

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Дознание в Риге

Николай Свечин
Дознание в Риге

«Автор»

2016

Свечин Н.

Н. Свечин — «Автор», 2016

Действие романа происходит в 1898 году. Друг Лыкова лифляндец Ян Титус поехал в Ригу на похороны старшего брата Язепа. И выяснил, что брат был убит. Полиция не хочет искать виновных. Язеп Титус был вор и барыга; убили – так ему и надо... Когда Ян начинает собственное дознание, ему советуют убраться из города. Узнав об этом, возмущенный Лыков приезжает в Ригу на помощь товарищу. И они начинают искать убийц самостоятельно. В ходе дознания им попадается чья-то шпионская сеть, также друзья сталкиваются с многочисленными головорезами рижских форштадтов. В Риге немецкое засилье, и русским сыщикам приходится нелегко. Начавшаяся война банд еще более затрудняет поиск...

© Свечин Н., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава 1. Беспокойная весна	5
Глава 2. Рига осаживает гостей	24
Глава 3. Незаконное дознание	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Николай Свечин

Дознание в Риге

Глава 1. Беспоконная весна

Апрель 1898 года выдался для Лыкова трудным. В Донецком бассейне появилась опаснейшая шайка. Пять человек на конях, хорошо вооруженные и дерзкие, нападали на казенные и частные учреждения. За месяц были ограблены карета Славяносербского уездного казначейства, контора рудника в Ольховатке, и сожжены две помещичьих усадьбы. Восемь человек убито, двое раненых умерли потом в больнице... Екатеринославский губернатор отправил в министерство паническую телеграмму, требуя прислать столичных волкодавов. Горемыкин¹ подумал-подумал и вызвал к себе директора Департамента полиции Зволянского. Старый и молодой саврасы² имели одну любовницу на двоих и потому понимали друг друга с полуслова. В итоге надворный советник Лыков поехал в Екатеринославль.

Когда он представился начальнику губернии князю Святополк-Мирскому, тот был ошарашен. Дернув себя за седой ус, князь спросил:

– А что, вы один прибыли?

– Точно так, ваше сиятельство, – почтительно доложил гость. – Согласно распоряжению господина министра внутренних дел. На помощь местным силам.

– И что вы тут сделаете? – взвился генерал-майор. – В единственном числе. Чем можете нашим силам? Я полагал, пришлют целый отряд.

Губернатор воевал с турками на одном с Лыковым театре военных действий – на Кавказском. Оттого Алексей решил не дерзить генералу, а объяснить.

– Помочь можно и нужно опытом, ваше сиятельство, – сказал он. – Числом-то зачем? Ваших людей вполне хватит, чтобы уничтожить банду. Надо лишь ее найти.

– А вы, стало быть, опытные, раз министр прислал именно вас? – со смесью ехидства и одновременно надежды спросил князь.

– Надо полагать, да, – лаконично ответил Лыков.

Святополк-Мирский скользнул взглядом по наградам чиновника, задержался на солдатском Георгии.

– Этот за что получили?

– За службу пластуном в Кобулетском отряде в 1877 году.

– Прощу простить мою резкость! – Святополк-Мирский подбежал к Лыкову и протянул ему руку. – Там у вас такое творилось! Мы под Карсом и орденов больше видели, и пространства для маневра. А под Кобулетом, в этих проклятых малярийных болотах... Столько народу положили, штурмуя ничтожные скалы. Называйте меня Петр Дмитриевич.

– А я Алексей Николаевич, с вашего позволения. Если угодно, я изложу план действий, как собираюсь ловить этих негодяев.

– Тогда давайте позовем вице-губернатора, – спохватился князь. – Я, знаете ли, команду губернией лишь с первого января. Нешел пока до конца в дела. А статский советник Князев служит здесь с конца ноября. Представляете? Обновили весь начальствующий состав в губернии, и еще что-то требуют...

Лыков терпеливо дождался прихода вице-губернатора. Если Святополк-Мирский носил усы и бороду, подражая нынешнему государю, то Князев остался верен моде прежних

¹ Горемыкин И. Л. – в 1898 году министр внутренних дел (Здесь и далее примеч. автора).

² Саврас – бабник, юбочник.

лет. Седые усы его переходили в бакенбарды, как у давно покойного Александра Второго. Оба властителя Екатеринославля выглядели довольно импозантно. Каковы они в деле?

Вице-губернатор принес плохую новость. Пока Лыков добирался досюда, банда ограбила динамитную фабрику возле станции Петровеньки. И забрала восемь пудов взрывчатки.

– Они так мне всю губернию на воздух подымут! – схватился за голову Святополк-Мирский.

– Видимо, нацелились на какой-то банк, – предположил надворный советник. – Будут курочить несгораемый шкаф. Можно даже догадаться, где...

– Ну-ка, ну-ка, – оживился вице-губернатор. – Так вот сразу? Не побывав на месте?

– Да, господин Лыков – личная креатура министра, – заявил князь. – И воевал на Кавказе, в Кобулетском отряде.

Но статский советник лишь отмахнулся. Он смотрел на гостя с недоверием и ждал от него какой-то глупости.

– Динамитом нельзя взрывать шкафы, в которых помещены банкноты, – начал Алексей. – Иначе они погибнут при взрыве. Сгорят.

– Так-так... И что из того?

– Другое дело, если там спрятано золото. В монетах или слитках.

У обоих чиновников вытянулись лица.

– Где в вашей губернии в ближайшее время намечен большой платеж в золоте? – закончил свою мысль сыщик.

И сразу же Князев закричал:

– Точно! Точно! Вы гений, господин Лыков!

– Так где?

– Я сегодня только говорил об этом в казначействе. На Луганский патронный завод через три дня привезут жалование. Там половина будет пятерками и полуимпериялами. Восемьдесят тысяч в звонкой монете!

В последовавшем после этого сумбурном разговоре Алексею удалось провести свою мысль. Начальники губернии предлагали нагнать к заводу казаков и порубить бандитов в капусту. Прямо на месте. Лихой князь собирался вспомнить боевую молодость и чуть не лично казнить бандитов. Сыщик едва убедил его в том, что это бесполезно: злодеи обязательно узнают о засаде. И не придут. Когда в операцию вовлечено много народа, утечка сведений неизбежна.

– Что же предлагаете вы? – спросил Князев. – Кстати, позвольте представиться: Владимир Валерьевич.

– Я предлагаю, Владимир Валерьевич, проникнуть туда малому числу людей. Но отборных. Готов стать в засаде вместе с ними. Главное – сделать все незаметно.

– А мне с вами нельзя? – вскинулся Святополк-Мирский. – Эх! Да знаю, знаю, что вы скажете...

Вот чудак!

В итоге план засады был быстро разработан. Вызвали полицмейстера Екатеринославля Гаврилова и приказали ему отобрать пятерых самых смелых людей из своего кадра. Лучше с боевым опытом. Шестым к ним присоединился Лыков.

Через три дня под усиленной охраной на патронный завод были доставлены опломбированные мешки с наличностью. Полицейские по одному проникли в кассу и спрятались там. Всю ночь они не сомкнули глаз. Но никто не напал.

То, что засада раскрыта, выяснилось утром. Пришел мальчишка и принес клочок бумаги. Велели передать «дяденьке главному полицейскому». В записке оказалась всего одна фраза: «В следующий раз». Рядом непристойный рисунок... В заводской конторе у бандитов явно был наводчик, он и предупредил о ловушке.

Так убийцы избежали засады. Но и нападения не случилось! Губернатор был доволен. Он поверил в способности Лыкова и обещал ему полную поддержку. Вся екатеринославская полиция рвалась в бой и только ждала от командированного указаний. Однако как поймать банду?

Алексей поехал в Луганск. Город стал столицей уезда чуть больше десяти лет назад. В конце прошлого века он вырос вокруг чугунолитейного завода. Завод специально был создан под потребности Черноморского флота. Парижский мир 1856 года уничтожил и флот, и Луганск вместе с ним... Сейчас корабли под Андреевским флагом снова плавали по Черному морю, но предприятие уже было разорено. На смену ему пришли свечные и махорочные заводи, а еще угледобыча. Из 32 волостей уезда уголь открыт в 24. Его добывают более 60 прекрасно оборудованных шахт. Но это не все углекопы. Повсюду в уезде виднеются так называемые «дудки» – примитивные забои, которые выкопали на своих землях крестьяне. Они расположены прямо на крестьянской надельной земле. И мужики кайлом и воротом добывают антрацит, реализуя его с выгодой крупным покупателям.

Присмотревшись, Лыков сообразил: вся жизнь в этих местах крутилась вокруг угля и железной дороги. Прочие лишь обслуживали гигантский механизм добычи и доставки. Акционерное общество Юго-Восточных железных дорог заправляло делами в уезде. Другой влиятельной силой были владельцы крупных шахт, почти все иностранцы. Попавши между такими жерновами, люди ломались и подчинялись. Но вот кто-то решил воспротивиться.

Пока сыщик думал, налеты продолжались. В Бахмуте ограбили почтово-телеграфное отделение со сберегательной кассой. Убили охранника и забрали три тысячи триста рублей. А на другой день застрелили кассира Городищенковского рудника, везшего туда деньги. Святополк-Мирский послал в Луганск Князева подтолкнуть командированного. Но Владимир Валерьевич повел себя умнее. Он ни слова не сказал в упрек, а лишь спросил, чем может помочь.

– Вот глядите, что получается, – ответил сыщик, разворачивая карту Донецкого бассейна. – Заметили? Все преступления умещаются внутри трапеции. Ее вершины: Бахмут, Луганск, Александровск-Грушевской и Юзовка.

Вице-губернатор присмотрелся и согласно кивнул:

– Точно. Думаете, базис шайки где-то здесь?

– Именно.

– Но где? Площадь большая. Александровск вообще не в нашей губернии, а в Области Войска Донского. Там моей власти и нету.

– Бандиты нарочно так делают. Чтобы сыщики не могли договориться друг с другом.

– Алексей Николаевич! Что нам тогда от вашей трапеции, извините?

– Если внимательно смотреть на карту, то заметите там подсказки.

Князев опять впился глазами в план, но ничего не увидел.

– Поясните, – с некоторым раздражением потребовал он.

– Наши злодеи передвигаются верхами, – начал Лыков. – Значит, рельсы нам не интересны. А вот шоссе... Шайка очень подвижна и возникает в разных местах. Где в уезде дороги наиболее перекрещиваются?

– Ага... – догадался вице-губернатор.

– Точно так, Владимир Валерьевич. Внутри нашей трапеции три особых пункта. Первый – это Дебальцево. Там сходятся сразу четыре важные дороги. Второй – Ивановка, что возле станции Петровеньки. Заметьте – там как раз похитили динамит. И третья точка, которая нравится мне больше других, – Государев Буерак. Возле него перекрещиваются аж пять дорог. Где-то тут базис, в одной из этих точек. Или постоянный двор, или конезавод. А может, усадьба, которую охраняют лихие ребята на сильных конях. Мне однажды встрети-

лась такая шайка, она состояла из лесных объездчиков. Чуть не погиб, воюя с ней...³ Но у вас здесь лесов нет. А конезаводов много?

– Всего один, и он вне подозрений. Там отставной гвардейский полковник, и берет он к себе лишь отслуживших в конной гвардии.

– Вы думаете, среди них не может быть убийц? – скривился Лыков. – Я бы с них и начал, будь моя воля. Вообще же, беда у меня одна, как и во всей России.

– Всего одна? Назовите.

– Ничего нового, Владимир Валерьевич. Это кадры. Некому поручить, все приходится делать самому. А ведь я здесь чужой, местных обстоятельств не знаю.

Князев понял Алексея сразу. В губернском правлении та же беда. Но хотя бы есть канцелярия, чиновники особых поручений... А тут? Славяносербский исправник имеет в подчинении шесть городских. Еще с десятков фабрично-заводских надзирателей и пару становых приставов с урядниками. Сыскное отделение Екатеринославля? Оно внештатное, как большинство отделений в России. Все люди наперечет. Едва успевают ловить жуликов в губернском городе.

– Все-таки пришлите мне пару человек из сыскаго, – попросил Лыков. – Нужно объехать указанные пункты. Один я потрачу неделю, а за это время еще кого-нибудь убьют.

– Немедля телеграфирую полицмейстеру, – вскочил статский советник.

– Но только секретным шифром. Есть он у вас?

– Нету...

Лыков вздохнул:

– Тогда поехали вместе в Екатеринославль. Здесь, возможно, за мной уже приглядывают...

– Вы полагаете?

– Я допускаю. Городок небольшой. Да и устал я от него, по правде.

Сыщик и вице-губернатор вернулись вместе. Через сутки три человека отправились в дорогу. Алексей выбрал себе самый привлекательный пункт – Государев Буерак. Большое село в ста верстах южнее Бахмута. Недалеко от него важный перекресток, именно там и сходятся сразу несколько шляхов. Очень удобно для шайки: можно быстро перекинуться куда угодно.

Лыков пробыл в селе все утро и остался доволен увиденным. Постоялый двор! Там хозяйничал старик в свитке, мрачный и неприветливый. Эдак же всех гостей отвадишь. Но дедушке люди, похоже, были ни к чему. Стойла на десять лошадей, буфет с водкой и пивом, пяток комнат. Хозяйство большое, а помещается на отшибе. Из прислуги кривой мужик и рябая баба, словно их нарочно таких подбирали.

Но как распорядиться наблюдением? Мрачный старик... Может, у него нутро больное, вот он и невесел? Однако место, какое место! Был бы я атаманом разбойничьей шайки, думал Лыков, я бы здесь обосновался. Раз – и в соседнем уезде. Два – и в соседней губернии.

Мысли сыщика не успели оформиться во что-то цельное. Он поехал встречаться с приданными ему агентами, а там события завертели с неожиданной быстротой.

Сыщики договорились встретиться в буфете второго класса станции Юрьево. Эта часть пути принадлежала казне. Но два участка Донецкой железной дороги – Зверевево – Лисичанск и Дебальцево – Хацпетовка – были переданы обществу Юго-Восточных дорог в аренду. ЮВЖД брала себе в уезде лучшие куски.

Когда надворный советник вошел в зал, оба агента уже ждали его. И по взволнованным лицам он понял, что у них есть новости.

---

³ См. повесть «Ночные всадники» в одноименном сборнике.

Так и оказалось. Вольнонаемный надзиратель Иван Полотенцев доложил следующее. Здесь, в Юрьеве, он познакомился с молодым человеком, назвавшимся местным помещиком Савельевым. Тот увидел на перроне новое лицо, подошел, познакомился – и тут же огорошил Ивана предложением. На его дом готовятся напасть, сказал помещик. Сегодня ночью! За полицией бежать бесполезно. Станционный жандарм отказался, а пока доберешься до уезда, всех домашних перебьют. А у него там жена беременная и двое маленьких детей. Он предлагает новому знакомцу пятьсот рублей, если тот согласится провести ночь в имении. Телеграмма в губернский город уже послана, утром явится подмога.

– А ведь это наши! – сразу предположил надворный советник.

– Так точно, – подтвердил Полотенцев. – Мой наниматель сказал: нападут те, которые грабят в уезде.

– Где Савельев?

– Ждет в чайной неподалеку.

– Что вы ему обещали?

– Поддержку, – ответил агент и посмотрел на начальство с вызовом. Подумал и добавил: – Не можем же мы его бросить! Мы – полиция. Обязаны защищать людей. А там дети и жена брюхатая...

Второй агент по фамилии Роцин, спокойный блондин лет тридцати пяти, с интересом слушал. Весь его вид показывал готовность сразиться.

– Правильно обещали, – одобрил Полотенцева надворный советник. – Вот только револьверами нам ночью от них не отбиться. Есть где-нибудь поблизости оружейная лавка?

– Не знаю, надо у Савельева спросить.

Так началась эта операция, много тогда наделавшая шуму на юге России.

Когда сыщики вошли в чайную, помещик нервно грыз баранку и смотрел на дверь. Молодой мужчина с русыми волосами и окладистой бородой, совсем партикулярной наружности. Как такому защититься? Увидев троицу, он растерялся. А приглядевшись к Лыкову, повеселел. Действительно, при виде Алексея впечатлительные натуры сразу успокаивались...

– У меня хватит денег, – первым делом заявил Савельев. – Непременно, непременно заплачу. Если кто-то из вас завтра съездит со мной в Бахмут.

– Я надворный советник Лыков, чиновник особых поручений Департамента полиции. Эти двое – сыскные агенты. Разумеется, мы защитим вас безо всяких денег.

– А... э...

– Нам понадобятся ружья, заряженные картечью. У вас есть что-нибудь в имении?

– Двустволка и нарезной штуцер.

– Необходимо срочно достать еще три ружья. И зарядов пятьдесят картечи, лучше согласованной⁴.

– Я могу, – вскочил помещик. – Сосед мой – охотник, он не откажет. У него целый арсенал. Защитить меня побоялся, но хоть ружья даст. Едемте туда.

– Ни в коем случае, – осадил мужчину Лыков. – Мы сейчас уйдем.

– Но... как же я? Вы же обещали!

– Как вас зовут?

– Сергей Ильич Савельев.

– Сергей Ильич, за вами ведь наверняка следят.

Помещик затравленно огляделся:

– Да тут нет никого!

---

⁴ *Согласованная картечь* – картечь, уложенная в заряде особым образом, для повышения кучности боя.

– Снаружи следят. Это уж непременно, – веско пояснил Лыков. – Иначе такие вещи не делаются. Поэтому мы поступим так. Выходим все вместе. Вы трясете бумажником, мы дружно мотаем головами и чешем на станцию. Вы, будто бы в расстройстве, возвращаетесь к себе в имение. Один. Ясно?

– Да, но что потом?

– Следующая станция в сторону Луганска будет Ивановка?

– Точно так.

– Пусть там встретит нас ваш доверенный человек. Есть такой?

– Да. Григорий, мой камердинер.

– С возом, груженным сеном.

– А...

– Именно, вы правильно догадались. Григорий спрячет нас под сеном и доставит в имение. Вы же за это время добываете ружья. Все понятно?

– Но зачем такие тайны? Почему мы не можем прямо сейчас поехать ко мне?

– Тогда бандиты не нападут. Трое новых защитников. Это слишком много для них.

– Так и хорошо, что не нападут! – радостно воскликнул Савельев.

– А нам надо, чтобы напали, – тихо сказал ему Алексей.

– По-о-нял... – протянул помещик, потоптался в растерянности и пошел к выходу.

На улице Лыков незаметно осмотрелся. Вокруг толкался народ, стояли какие-то возы, с подошедшего поезда валила целая толпа. Наблюдателю было где спрятаться.

Отмахнувшись от нанимателя, сыщики направились на станцию. Савельев, как и было оговорено, семенил следом и тряс бумажником. Наконец отстал и понуро двинулся к своей бричке. Удастся ли ему собрать оружие? Против пяти винтовок ночью будет туго.

Выждав часа два, агенты с Лыковым сели на поезд и проехали одну остановку. Когда сошли, их уже ждал мужик гвардейского роста, хваткий и надежный на вид. Он быстро забросал гостей сеном и куда-то повез. Ехали долго. У Лыкова чесалось все тело, хотелось поскорее вылезти и отряхнуться. Но нельзя – дважды по пути с Григорием кто-то заговаривал.

Когда не чесаться стало уже невозможно, телега въехала во двор. Стукнули ворота, и раздался голос Сергея Ильича:

– Вылезайте, господа!

Сыщики выбрались наружу и отряхнулись. Потом прошли в дом. Большой особняк был почти пуст. Жена, с выражением неизбежного ужаса на лице, едва не разрыдалась при виде гостей.

– О, благодарю вас, благодарю! – запричитала она. – Все нас бросили: и кухарка, и дворник, и конюх. Один Григорий остался. Если бы не вы...

– Успокойте детей, – сказал ей Лыков. – Да и сами тоже... Чаю хоть выпейте, что ли. Обещаю: ничего дурного с вами не случится.

Дальше начались приготовления к осаде. Надворный советник отыскал место за печью, наиболее укрытое от выстрелов. Он велел постелить туда перины и поместить женщину с дочками. Девчонкам принесли за печь игрушки, даже поставили сбоку самовар. В хлопотах Савельева забыла о страхе и занималась ужином. Начало темнеть.

– Сергей Ильич, к вам два вопроса, – обратился к хозяину Алексей. – Первый: достали ли вы оружие и заряды?

– Да! Вот они здесь, взгляните.

Лыков осмотрел двустволки – годятся. Они были в хорошем состоянии, вычищены и смазаны. Патроны с волчьей картечью его тоже устроили. Сыщик взял себе обычную тулку и тут же зарядил ее. Агенты разобрали ружья, досталось и Григорию. Хозяин вооружился штуцером.

– Все готовы? Тогда второй вопрос: как вы узнали о нападении?

Вместо Савельева ответил камердинер:

– Это я.

– Что вы?

– Прознал я. Через Авдотью.

– Так. Что за Авдотья? Сергей Ильич, изложите сами. А то мы до утра не выясним.

– Алексей Николаевич, может, по местам разойдемся? – стал канючить Савельев. –

Скоро сумерки. Южная ночь не как в Петербурге, много не повоюешь. Они явятся до темноты.

– Не бойтесь, у нас еще около часа в запасе. Рассказывайте.

Помещик вздохнул, оглянулся на окно, которое Лыков запретил закрывать ставнями, и начал:

– Авдотья – это здешняя вдова, она держит махорочную плантацию. И пытается женить на себе Григория...

– Нужна она мне больно! – вставил камердинер.

– ...Нынче утром Авдотья вызвала его на крыльцо и там огорошила. К вам, сказала баба, ночью наведаются. Головорезы, что всю округу запугали. Шайка о пяти конях беглого казака Рябухина.

– Рябухин? Вот мы уже и фамилию атамана выяснили, – бросил агентам Лыков. – Но продолжайте.

– Баба сказала, что ее подослали они, чтобы предупредить. Мол, сопротивляться не нужно, отдайте все добро, какое есть, по-хорошему. Иначе убьем.

На этих словах голос хозяина дрогнул, и он снова оглянулся – на этот раз на жену с дочками.

– Что было дальше?

– Дальше? Содом начался, вот что было дальше! – нервно выкрикнул Савельев. – Прислуга сбежала. Работников я нанял огород копать, так те тоже все врассыпную. И остались мы одни... Еще Григорий, храни его Христос. Понятно же, что сдаваться им нельзя. Обманут. Заберут ценное, а нас всех прикончат. Побежал на станцию, говорю жандарму: вызови сюда команду из уезда, меня убить хотят! Он отвечает: в уезде никого нет, разъехались по шахтам. Чтобы собрать, уйдет два дня. Я начал отбивать телеграмму исправнику. Едва отправил – линию перерезали! Они, сволочи, и перерезали, больше некому. Одним словом, руки опустились... страшно сделалось. Пропадем же. Стал ходить по станции, людей звать, деньги предлагать. А все от меня, будто от прокаженного... Вот, встретился господин Полотенцев. Принес надежду. Вас сюда Бог послал, Бог!

– Руками министра внутренних дел, – усмехнулся надворный советник. – Ну, теперь пора.

Он развел защитников дома по номерам. Рощину велел караулить зады. Маловероятно, чтобы бандиты зашли со стороны огорода. Конные, никого не бояться, даже заранее предупредили... Подъедут по дороге и сразу начнут стрелять. Но береженого вышеупомянутый бог бережет.

Савельева сыщик поставил в сенях, смотреть за двором. А Григорию и Ивану Полотенцеву поручил по крайнему окну; среднее взял себе. Лыков надеялся, что именно на него и выйдут бандиты, и решил угостить от души. Руки чесались. Если их прихода противник не заметил, то дело его плохо... Пора, пора остановить нелюдей. Удачно как сложилось: поехал на разведку, а угодил в бой! Вот славно. Алексей был абсолютно спокоен и жаждал лишь одного: чтобы банда пришла. И его спокойствие передалось остальным.

Сыщик счел необходимым предупредить защитников:

– Учтите, они немедля начнут стрелять, как только подъедут. Поэтому лежите и не вставайте. До моей команды никому не высовываться.

– Зачем же тогда разбойники меня предупреждали? – удивился Савельев. – Мол, не надо сопротивляться. Для чего после этого стрелять?

– Чтобы запугать, – объяснил Лыков. – И потом, вдруг вас сразу убьют или ранят? Меньше хлопот.

Хозяин поежился и ушел в сени.

Защитники просидели на своих позициях целый час. Наступили сумерки. Скоро ни зги не увидим, подумал Лыков. И тут со стороны станции послышался топот. Верховые шли наметом. Пять или шесть всадников, по звуку определил Лыков. Он приказал задуть свечи и всем лечь на пол. Савельева сгрудила дочек. Сыщик услышал, как она уговаривает их не бояться:

– Сейчас будет страшно, но потом пройдет!

Перебить этих сволочей, подумал он в сердцах.

Всадники остановились перед домом. Никого не стесняются! Как и обещал надворный советник, они без разговоров открыли огонь.

Пули с визгом влетели в окна, посыпалось на пол разбитое стекло. Зазвенел шкаф, лопнула лампа под абажуром. Но люди уцелели, поскольку были готовы. И когда бандиты начали перезаряжаться, Лыков поднялся с пола и крикнул как можно громче:

– Отделение, огонь!

И выстрелил в ближайшего всадника. Тут же перевел прицел и жажнул по его соседу. Три ствола поддержали его. Картечные выстрелы ударили по верховым и сбили их с места. Никто не упал, но бандиты смешались – и обратились в бегство. Быстро вставив новые заряды, сыщик добавил им вслед, но больше для порядка. Всадники стремительно унеслись, откуда пришли. И сразу в доме стало тихо.

Через минуту пятеро мужчин собрались в зале. Рощин был раздосадован: он пропустил все веселье. И ни разу не выстрелил! Григорий утверждал, что попал в атамана и тот «уехал помирать». Савельев же первым делом кинулся за печь, успокоить домашних. А лихорадочно возбужденный Полотенцев требовал немедля пуститься в погоню.

Лыков дал всем прокричаться и сказал:

– Ну, урок они получили, и на том остановимся.

– Алексей Николаевич! – хором взмолились агенты. – Давайте добьем этих гадов!

– Не выйдет. Как вы думаете, скольких мы зацепили?

– Да всех! – изрек Григорий, воинственно потрясая ружьем.

– Двоих, – коротко поправил его Лыков.

– Двоих? – с досадой переспросил Рощин и посмотрел в окно, за которым стремительно темнело.

– Да. Одного сильно. Думаю, мы найдем его поблизости, на дороге. Второго легче, но он потеряет много крови, пока его перевяжут. И значит, тоже не боец. А сколько осталось?

– Трое? – наугад спросил Савельев.

– Четверо. С винтовками. Это много. Сейчас ночь, если будем преследовать – они могут затаиться и встретят нас огнем, как встретили мы их. Вы готовы, Сергей Ильич, рискнуть жизнью, чтобы добить поганцев?

– Нет, разумеется! – выкрикнул в ужасе хозяин. – Отбились, и слава Богу! Ждем здесь утра и подмоги.

Надзиратели и Григорий стали было шуметь – после удачного боя их распирало геройство. Но Алексей быстро утихомирил вояк. Он приказал закрыть ставни и объявил:

– Все! Опасность миновала. С двумя ранеными на руках они не нападут. Им сейчас не до нас. Живите, как обычно, и можете начать уборку в доме.

Помолчал и добавил:

– Они к вам, Сергей Ильич, больше никогда не вернуться. Да не только они. У вас в округе теперь такая репутация, что вся нечисть забудет сюда дорогу.

Помещик сел на стул и улыбнулся. До него лишь сейчас стало доходить, что произошло...

– Алексей Николаевич, а кто в них попал? – спросил Полотенцев. – Я ведь тоже пальнул, и даже прицелился. Но что-то сомневаюсь...

– Попал в обоих я, первым залпом, когда это было неожиданным. А вы все били уже в молоко.

– Так уж и в молоко! – возмутился Григорий. – Мой ажно через голову перекувырнулся.

– И что, лежит сейчас там, под окнами? – съязвил надворный советник.

– Может, и лежит!

– Выйди, посмотри.

– Ну, может, и не лежит...

– Никого там нет. Ваша стрельба ущерб бандитам не нанесла. Трудно попасть в движущуюся цель в темноте. Но зато вы их напугали. Так что все равно молодцы!

Савельев полез в шкаф за бутылкой коньяку, но был разочарован.

– Ой! Прямо в нее угодили. Алексей Николаевич, вас и угостить теперь нечем.

– Рано пока. Мы с господином Роциным пойдем в разведку. Готовы, Роцин? А то жалели, что опоздали на веселье.

– Готов, ваше высокоблагородие.

– Зачем, Алексей Николаевич? – побледнел помещик. – Мало ли что? Вдруг сидят они за бугорком и вас дожидаются.

– Никого они не дожидаются, а летят по шляху что есть силы. А выйти нам надо, чтобы проверить.

– Проверить?

– Да. Тот, в кого я попал первым выстрелом, далеко уйти не мог. Если жив, то возьмем в плен. Будет язык. Если помер уже, обыщем тело – вдруг какие подсказки найдем? Это для вас, Сергей Ильич, все кончилось. А нам завтра остальных искать!

Надворный советник взял керосиновую лампу и смело вышел с ней в темноту. Тулку он оставил в доме, но револьвер держал наготове. Роцин шел рядом и нервно поводил стволом ружья вокруг.

Они нашли тело в ста саженьях от дома. Человек лежал на дороге, рядом стояла лошадь. Надворный советник подошел, посветил.

– Черкес! – воскликнул агент.

– Скорее, осетин, – поправил его Алексей.

– Но он в свитке!

– Ну-ка распахните ее.

Роцин дернул за полу, и под свиткой открылся горский бешмет. На поясе виднелся большой кинжал.

Тут человек застонал и открыл глаза.

– Живой, гнида! – отскочил екатеринославец.

– Ну, недолго осталось, – успокоил его Лыков. – Взгляните на голову. Несколько картечин угодили. Как только мозги не вылетели?

Сыщики обыскали раненого и нашли при нем пачку бумаг. Потом взяли за руки за ноги и потащили в дом. Особо с разбойником не церемонились и медицинскую помощь оказывать не торопились. Горцы – упрямый народ. Вряд ли на допросе умирающий абрек выдаст сообщников. Пусть подыхает...

В доме пленного кое-как перевязали, но он не приходил в сознание. Ясно, что к утру помрет. Лыков осмотрел бумаги и к своему удивлению обнаружил среди них паспорт бандита. Тот действительно оказался осетином по имени Насып Экажев. Еще отыскались письма, но на татарском, и сыщик не сумел их прочесть. Ладно, потом разберутся. Уже ясно, что банда получила отпор и понесла потери. Сейчас им не до разбоев. Следует сосредоточить все силы на поиске второго раненого. Бумаги Экажева тоже помогут сыщикам. Скорее всего, банде конец.

Утром на станцию Юрьево прибыли из Екатеринославля шесть жандармских унтер-офицеров во главе с вахмистром. Они обыскали окрестности и нашли неподалеку от Алмазного рудника окровавленные тряпки. Здесь разбойники перевязывали своего товарища.

А Лыков простился с Савельевым. Он отмахнулся от слов горячей благодарности, сказав:

– Я тоже вам признателен.

– За что? – поразился Сергей Ильич.

– Да за помощь. Так бы мы месяц бегали за негодями по всему Донецкому бассейну.

А тут они сами пришли.

Еще на правах старшего надворный советник разрешил агентам принять от помещика награду. Полотенцев и Рощин получили по пятьсот рублей, как и было обещано. Они остались очень довольны. Еще бы, чуть не годовое жалование. Сыщики сговорились с Савельевым не рассказывать о награде полицмейстеру и уехали одним поездом.

В Екатеринославль Алексей явился победителем. Губернатор уже знал о ночном бое и принял надворного советника сразу. Тот изложил, как было дело, и показал трофей. Святополк-Мирский со знанием дела обсудил достоинства кинжала, поблагодарил сыщика, а потом объявил:

– Вынужден с вами расстаться, Алексей Николаевич. Начальство прислало телеграмму и срочно требует вас в Петербург. Вот, прочтите.

Директор Департамента полиции приказывал Лыкову немедленно вернуться. Видимо, случилось что-то чрезвычайное.

– Мы доделаем без вас, – успокоил сыщика появившийся Князев. – Только что пришел экспресс⁵ из Славяносербска. Раненый нашелся! Уже арестован в земской лечебнице. Некто Рябухин, дезертир из донских казаков.

– Так это я атамана зацепил? – обрадовался сыщик.

– Атамана? – удивились начальники губернии.

– Да. Он главный в шайке, по словам свидетелей. Надо, конечно, проверить, но весьма вероятно.

– Замечательно, если так! – воскликнул Святополк-Мирский. – Глядишь, и всей шайке конец.

– Сильно я его? – спросил Лыков у вице-губернатора.

– Правую руку пришлось отнять. Сейчас у палаты выставлен караул, везти раненого сюда доктора не разрешают. Может и помереть – много крови потерял.

– А пусть сдохнет...

Вернувшись в столицу, Лыков прямо с вокзала отправился на Фонтанку, 16. Ввалился к директору без доклада, фамильярно уселся в кресло, выложил кинжал и сказал:

– Гляди, какая у меня штука есть.

– Ух ты! – опешил Зволянский. – Серебром обложен. Это базалай?⁶

– Да. Только делал не Уллу, а его брат Али. Он похуже был мастер, но тоже знаменитый.

⁵ *Экспресс* – телеграмма-молния.

⁶ *Базалай* – знаменитый род кумыкских оружейников, имя стало нарицательным.

Директор повертел клинок в руках, осторожно испробовал пальцем лезвие. Потом вдруг предложил:

– А подари его Горемыкину. Старику будет приятно.

– Запросто. Тем более Уллу у меня есть, с войны остался, дома на ковре висит.

Но как это преподнести?

Полицейские стали совещаться и пришли к выводу, что дарить кинжал не следует. В России вообще презенты от подчиненных начальству не приветствовались. Разве что иконы, и то когда шеф уходит. А так ни к чему. Наградит, к примеру, министр надворного советника, причем заслуженно. А злые языки скажут, что это в благодарность за подаренный дорогой клинок. Зачем такие сложности?

В итоге сыщик убрал кинжал обратно в ножны и спросил:

– Чего вызывал-то, Сергей Эрастович? Я там чуть-чуть не доделал.

– Без тебя доделают. А вот Варшава в истерике, Лыкова требует.

– Варшава? Зачем?

– Там объявился Шпрингфедер.

Лыков присвистнул:

– Большой Пан? Вот это да... И что с того? Я-то для чего полякам понадобился?

– Чтобы его взять. Они боятся, что сами не справятся.

– Глупости! Пусть ввалятся десять человек и повяжут. Против такой толпы никто не устоит, и Шпрингфедер тоже.

– Говорю же, опасаются. В прошлый раз ввалились шестеро самых крепких. Он им по шеем наступал и ушел. Причем именно ушел, не спеша, вразвалочку.

Рудольф Шпрингфедер по кличке Большой Пан был легендарный польский налетчик. Он одновременно руководил несколькими шайками. Человек огромной физической силы, главарь при этом был умен и образован, а еще очень деятелен. Шпрингфедер знал шесть основных европейских языков и орудовал по всему континенту. Более того, Большой Пан даже ездил в Южную Америку, где тоже наделал немало шума. Варшавское сыскное отделение гонялось за ним много лет. Или лишь делало вид? Теперь сыщики нашли притон, в котором поселился знаменитый «иван». И боялись осрамиться, звали подмогу.

– Ну хорошо, – пожал плечами Лыков. – Съезжу, раз они так просят. Подписывай командировку.

Зволянский протянул ему лист бумаги:

– Уже. Иди в кассу, получай прогоны и – на вокзал. Поторопись, пока парень не сбежал.

Сыщик ушел. А директор взял со стола бланк телеграммы и в очередной раз перечитал его. Екатеринославский губернатор князь Святополк-Мирский сообщал о разгроме банды грабителей и о роли в этом командированного чиновника. И просил для него награды. Вздыхнув, Зволянский убрал бумагу в папку для доклада.

Дело в том, что Лыкова было очень трудно награждать. Все ордена, какие полагались надворному советнику, он уже имел, притом с избытком. Владимира третьей степени, например, даже сам Зволянский выслужил лишь недавно. Хотя действительный статский и директор департамента. А его предшественник Добржинский так и помер на посту, не получив этого отличия. А у Лыкова есть. И как теперь его отметить? Производить Алексея в полковничий чин начальство не хотело. Для этого имелись причины. По своим способностям Лыков не подходил ни одному делопроизводству. Департамент полиции свел свою деятельность фактически к двум основным направлениям: политический сыск и хозяйственное регулирование. Алексей же был сыщик от бога, но сыщик уголовный. Политики он, по наказу Благово, сторонился. И получалось, что должность чиновника особых поручений ему подходила лучше всего. А в департаменте не было и не предвиделось такой вакансии для коллежского советника. В России и без того каждый пятый служивый занимал должность ниже

имеющегося у него чина. И начальству приходилось следить за соответствием этих двух иерархий.

Вручать Лыкову денежные награды, столь желанные для других, было глупо: и так богач. Благодарности министра? Их у него уже полдюжины. Высочайшего благоволения сейчас, при новом государе, не допросишься, но их у Алексея и без того три. Получался тупик.

Между тем Лыков являлся очень удобным подчиненным. Он никогда не капризничал, не требовал особого к себе отношения. И всегда выполнял поручения. Начальство знало, что он засадит злодея за решетку любой ценой. Многим в министерстве методы Алексея казались жестокими и незаконными, особенно либералам и чистоплюям. Он не стеснялся выбить из преступника признание силой. Мог натравить арестованных друг на друга. Не задумываясь, фабриковал улики, если это помогало дознанию. Запугивал, шантажировал и ломал. Главное, что в тюрьму попадали настоящие виновники, а не те, кого было удобнее и легче засадить.

Надворный советник понимал свое положение и не роптал. Более того, с ведома начальства он сам готовил себе будущее место. Еще покойный Благово задумал реформу сыскной полиции. Общее руководство – вот чего ей не хватало. Каждое отделение работало самостоятельно, а департамент помогал лишь сведениями и картотекой. Лыков планировал создать в их ведомстве новое делопроизводство. Оно должно было заниматься уголовным сыском и координировать деятельность провинциальных отделений. Во главе делопроизводства он, естественно, видел только себя.

Руководители министерства понимали необходимость реформы и поддерживали Лыкова. Но финансовые соображения, как всегда, брали верх. Соответствующие департаменты Сената упрямылись, Витте тоже. Между тем рост уголовной преступности бил рекорды. Страна быстро криминализировалась. Юг России, Кавказ, все три столицы⁷ захлестывали грабежи. Кражи сделались повседневны, и сильно выросло число покушений на жизнь. В полицейских сводках стали встречаться происшествия, вчера еще немыслимые.

Взять хотя бы нынешний девяносто восьмой. Год только начался, а уже такое... Вот случай в тихом Курске. В ночь с 7 на 8 марта неизвестные заложили разрывную бомбу в собор Знаменского монастыря. Он славен чудотворной иконой Знамения Пресвятой Богородицы. Аккурат под образ и сунули динамит! Что за люди такие? Видимо, злоумышленники хотели устроить взрыв во время всеобщего торжественного бдения. А когда поднимется паника, под шумок пограбить. По счастью, расчет не оправдался, и бомба рванула в час ночи, когда собор пустовал, – иначе жертв было бы не счесть.

А в Варшаве только что! Наступила весна, и соскучившиеся горожане валом повалили на Саску Кемпу. Это дачная местность по правому берегу Вислы, вся уставленная летними ресторанами. Компания из восемнадцати мужчин и двадцати двух дам отправилась на пикник. Сняли зал в увеселительном заведении «Прадо» и начали танцевать. Но вскоре ввалились двое неизвестных. Мужчины быстро их вывели, однако возникло подозрение, что это были разведчики и на компанию готовится нападение. Дам отправили на второй этаж, а джентльмены стали баррикадировать двери. Действительно, явилась банда в три десятка головорезов! И пошла на штурм «Прадо». Завязался настоящий бой. Нападавшие окрыли стрельбу из револьверов и взялись за ножи. Среди гуляк тоже обнаружили люди с оружием. Осада ресторана длилась два часа. В итоге бандиты все же отступили. Среди оборонявшихся трое получили ножевые ранения. А полиция так и не пришла.

Даже в Петербурге дела шли все хуже и хуже. 31 марта сумасшедший застрелил городского, стоявшего на посту у ворот градоначальства. А на Пасху город потряс ряд неимо-

---

⁷ Санкт-Петербург, Москва и Варшава.

верно дерзких краж. Громилы проникали в магазины через соседние помещения, разбирая стены. Поскольку из-за праздников никто не работал, они спокойно жили там двое суток. Пили, ели и справляли нужду. Высверливали замки несгораемых шкапов, шарили в витринах... Так обчистили знаменитое меховое ателье Зиновьева и магазин «Александрия» на Невском. А в меняльной лавке Кутузова, что в Гостином дворе, взяли больше ста тысяч рублей. И это в центре столицы, никого не стесняясь. Вершиной воровского мастерства стало похищение из кабинета пристава первого участка Московской части шкатулки с шестнадцатью тысячами рублей. Пристава обчистили в собственном участке! А в Киеве что творится? А в Одессе?

Результатом наработок Лыкова стал доклад, в котором он предлагал резко увеличить число сыскных отделений в России. Сейчас их не более десятка, и половина – внештатные. То есть созданы из чинов наружной полиции. Надворный советник рекомендовал открыть отделения во всех крупных городах, разбив их на разряды в зависимости от числа населения и от криминальной обстановки. А руководство отделениями возложить на то самое будущее делопроизводство Департамента полиции.

Горемыкин изучил доклад Лыкова, прозондировал почву в Министерстве финансов и наложил резолюцию: «Пока преждевременно». Алексей не обиделся. Что поделаться? Начальство не понимает, что играет с огнем. И будет суетиться потом, второпях, когда все вокруг запыхает синим пламенем. Так повелось на Руси. Придется ждать пожара.

Командированный поехал домой, а на вокзал за билетом послал «красную шапку»⁸. На Моховой ему обрадовались. Дети кинулись на шею, Варвара встала в очередь... Пришлось огорчить жену сообщением, что ночью снова надо уезжать. Правда, на этот раз ненадолго, а потом все время будет ихнее.

Лыков заканчивал обед, когда из прихожей послышался знакомый баритон. Титус! Что случилось? Почему без предупреждения?

Ян Титус был старый друг и одновременно управляющий нефедьевским именем. Сейчас ему полагалось быть в Варнавинском уезде, сплавать заготовленный за зиму лес. Если в такую пору он бросил все и приехал, стало быть, произошло нечто чрезвычайное.

Действительно, Титус вошел с хмурым лицом и начал без предисловий:

– Извини, я понимаю, что не вовремя. Однако ничего не поделаешь. Отпусти меня, пожалуйста, в Ригу.

– В Ригу?! Зачем?

– На похороны брата.

– У тебя есть брат? Ты никогда не говорил.

– Был. Теперь не есть, а был.

Титус вздохнул горестно и сел.

– Язеп его звали. Старше меня на три года.

– Как это случилось и когда?

Управляющий пожал плечами:

– Знаю лишь то, что в телеграмме. Умер три дня назад.

– Ты не успеешь на похороны!

– Я велел без меня не хоронить.

– Езжай, конечно. Сколько тебе потребуется времени?

– Да как зароят, так сразу и вернусь. Не бойся, Рукавицын продержится неделю без меня. По Ветлуге еще ледяная крошка идет.

Рукавицын, помощник управляющего, действительно был опытный лесопромышленник. До того как поступить на службу к Лыковым, он сам гонял плоты до Козмодемьян-

⁸ «Красная шапка» – артельный курьер.

ска. Справится. Времени еще много. Ветлуга неудобна для речников из-за своих перекатов. Лес по ней можно сплавлять лишь в мае, когда половодье. А сейчас только 20 апреля.

Лыков вынул из комода сто рублей и вручил Титусу:

– Вот, на расходы.

– Спасибо, – буркнул тот, убирая купюры в бумажник.

Это была маленькая слабость Яана. Он получал жалование, как командир армейского корпуса. При этом жил в служебной квартире и имел полное содержание дровами, свечами и провизией. Выезд тоже был служебный и не стоил ему ни копейки. По итогам года, когда делились тантьемы⁹, управляющему доставалась самая крупная. Но скуповатый и прижимистый Титус копил и копил. Две дочери растут – нужно приданое. Поэтому, когда возникала необходимость, Лыков подбрасывал приятелю деньжат. И тот их с признательностью брал.

– Так почему я от тебя никогда не слышал про брата? – спросил хозяин. Но посмотрел на гостя и махнул рукой: – Не хочешь – не говори. Ванну налить?

– Пожалуй.

– И чаю откушаешь?

– Могу, и не только чаю. Так устал с дороги, что и водки выпью.

– Водки давай выпьем, – согласился Алексей. – Мне ведь тоже вечером уезжать, в Варшаву. Только вернулся из Екатеринославля, и опять... Знаешь, там всюду шахты, куда ни плюнь. Сколько мы строительного леса в Донецкий бассейн отправляем?

– Три тысячи кубических сажень.

– Мало! Я тут подумал...

За деловыми разговорами приятели просидели до вечера. Алексей правильно понял настроение Титуса и больше не спрашивал его о брате. Захочет – потом сам расскажет. На вокзал они поехали вместе. Яан сел в поезд до Пскова, а Лыков – на «трэнь-де-люкс»¹⁰. Почему не пошиковать на казенный счет?

На следующий день он уже был на месте. Варшава нравилась сыщику своей элегантностью и европейским видом. Правда, русских там не любили. Но к Лыкову отношение польских коллег было терпимое: он не раз бок о бок с ними ходил на опасные задержания. Это сблизает. Последний случай был три года назад. Алексей арестовывал в Праге¹¹ печально известного дезертира Муранова. Этот негодяй убил семью офицера, у которого служил денщиком. Сам офицер уцелел потому, что был в тот день дежурным по полку. Потом он с горя наложил на себя руки... Муранов заперся в питейном заведении на Отвоцкой улице. Вооруженный винтовкой, револьвером и палашом, убийца не собирался сдаваться. Отстреливаясь через окно, он тяжело ранил городского. Штурмовать его не решались – отчаянный, много народу может погубить.

Лыков в тот момент оказался в Варшаве случайно. Он дознавал дело о фальшивых процентных бумагах, и следы жуликов терялись в пригороде польской столицы Воля. Когда сыщик услышал о случае с Мурановым, то сначала решил не вмешиваться. Преступление его не касалось, варшавские коллеги справятся сами. Но потом началась осада, и случилась ее первая жертва. Алексей смутился: приехал из России в Польшу подонок и стал убивать людей. Поляки его сюда не звали. И им же сейчас лезть под пули?

Питерец прибыл на Отвоцкую и предложил сыскным свою помощь. Варшавяки хорошо его знали и согласились. В итоге заведение забросали через окна зажигательными патронами. Все заволокло едким дымом, и в этом тумане Алексей проник внутрь и обезоружил дезертира. Заодно сломал ему руку.

---

⁹ *Тантьема* – премия.

¹⁰ «*Трэнь-де-люкс*» – поезд Петербург – Ницца через Варшаву и Вену.

¹¹ *Прага* – правобережное предместье Варшавы.

И вот теперь поляки сами затребовали столичного богатыря. Опасаются Большого Пана... Один раз упустили, да еще и бока он им намял. Ну, сейчас не выйдет. Как всегда, Лыков был уверен в себе. Да и ребята, что поддержат, вряд ли спасуют. Варшавское сыскное отделение возникло в 1874 году, даже раньше московского. До сих пор местные жулики рассказывают легенды о первом начальнике отделения Карле Витвицком. Кадры в Варшаве опытные и боевые. Город беспокойный, чуть что – здесь сразу берутся за ножи. Так называемые ножевики – бич города. Это люди, которые привыкли все разногласия решать с помощью финки. Сыскное отделение взяло на учет подобных типов аж 253 человека. В последнее время власти наконец-то начали с ними бороться. Всех ножевиков подвергли гласному надзору полиции, дела их велено рассматривать в судах вне очереди. А за рецидиву высылать вон из Варшавы. Бандиты слегка приутихли, но никуда не делись. Поэтому сыщики столицы повидали всякое и крови не боялись.

Заселившись в гостиницу, Лыков поехал представляться обер-полицмейстеру. Его должность исправлял полковник Грессер. Карл Аполлонович приходился братом покойному петербургскому градоначальнику Петру Аполлоновичу, которого Лыков хорошо знал и уважал. Полковник был тяжело болен и даже говорил с трудом.

– Сыскным отделением у нас заведует штабс-капитан Захаров, – сообщил он гостю. – Хороший офицер, но вам он не помощник. Недавно лишь перевелся из «суконной гвардии»¹² и дел пока не знает. Придется идти в бой с поляками.

– А что, и пойду, – ответил питерец. – Храбрые ребята, не хуже русских.

Разговор был недолгим. Шпрингфедер уже четыре дня сидел в притоне на Щеглячей улице и в любой момент мог оттуда убраться. Следовало торопиться.

Лыков отправился в сыскное отделение. Несколько часов они с надзирателями выдела следячи¹³ потратили на диспозицию. Захаров сидел рядом и благоразумно помалкивал.

Большой Пан – серьезный противник. И он в притоне не один. По наблюдениям агентов, внутри четверо или пятеро мужчин, не считая прислуги. Польские уголовные отличаются от русских: они не боятся сражаться с полицией, при задержаниях без раздумий хватаются за оружие. Каждая полицейская операция в Царстве Польском – это большой риск для правоохранителей. Во избежание потерь надо тщательно продумывать аресты.

А тут еще хитрый «иван» выбрал такое место для укрытия! Щеглячая улица состоит всего из четырех домов. И кончается глухим тупиком, со всех сторон огороженным заборами. В заборах множество калиток, через которые укромными тропинками можно выбраться хоть на берег Вислы, хоть к газовому заводу, хоть в притоны Доброй улицы. Вокруг густонаселенные переулки из одноэтажных домов с палисадами и дворовыми постройками. Шмыгнул туда человек – и не сыщешь. А на углу Щеглячей и Воробейной, в кавярне¹⁴ сидит караул уголовных. Люди в нем сменяются раз в четыре часа. Если появится полиция, Большого Пана успеют предупредить.

В итоге захват «ивана» наметили на четыре часа пополудни. Потом начнет темнеть, а ночью он может сменить укрытие. Сыщики едва успели подготовиться. Проникнуть в номера они решили через те же потайные калитки. Всего пять человек зашли со стороны Смольной улицы. Незамеченные, они пересекли Фоксал и оказались в тылах Щеглячей. Лыков шел первым, но ему незримо расчищали путь. Возле последних ворот на земле сидел крепкий парень в щегольской венгерке. Руки у него были связаны, во рту торчал кляп. Рядом стоял агент с револьвером и молча указывал на окна второго этажа. Пришли!

¹² «Суконная гвардия» – полки 3-й гвардейской пехотной дивизии, расквартированные в Привислинском крае и считавшиеся поэтому второсортными.

¹³ Выдел следячи – сыскная полиция (польск.).

¹⁴ Кавярня – кофейня (польск.).

Сыщики бесшумно поднялись наверх, прислушались. Из-за двери доносился женский смех. Сколько их там? Лыков различил два мужских голоса и три женских. Обитатели номера беззаботно веселились. Даже дверь оказалась не заперта. Надворный советник жестом дал команду варшавякам остаться на площадке. А сам смело шагнул внутрь.

Он не ошибся в подсчетах. Три смазливые девицы, полуодетые, сидели на диванах с бокалами в руках. Мужчина с напомаженными волосами разливал вино. Возглавлял стол человек могучей комплекции, с огромными кулаками и бычьей шеей. Он застыл от неожиданности, увидев незнакомца. Но не испугался, а просто удивился. Глаза живые, умные, лицо холёное и какое-то особенное, породистое. Большой Пан!

– Ты кто? – спросил «иван» после секундной задержки.

– Выйди, – коротко приказал сыщик напомаженному. Тот посмотрел на бандита, который согласно кивнул. Мужчина быстро удалился.

– И вы тоже.

Девицы не заставили его повторять и мигом сбежали. Сыщик и уголовный остались вдвоем.

– Ну? – сощурился Шпрингфедер.

– Отвечаю на вопрос. Я Лыков. Слышал?

– Почему я должен слышать про всякого лайдака? – презрительно ответил бандит.

– Лайдак – это кто?

– По-вашему будет сволоч¹⁵.

– Ай-ай, как грубо. Придется ответить.

– Уж не тебе ли, пигмей? Смотри – размажу в лоск!

– Покажи, как ты это сделаешь? – ухмыльнулся Лыков.

Гигант встал, подпер головой потолок. Но нападать не спешил. Его обескуражило, что незванный гость совершенно не боится грозного атамана. Может, фараону забыли рассказать, кого он явился арестовывать?

– Я вижу, ты не местный.

– Ага.

– В выделе следячем тебе хорошо объяснили, кто я?

– Известно кто – бандит. Что ж тут нового? Я вас, мазуриков, много видел.

– И таких, как я, тоже много?

– Что ты все якаешь? Думаешь, что один такой на весь белый свет? И нет на тебя управы? Забыл, сукин сын, про русскую силу? Так я напомним.

Шпрингфедер ощерился:

– Это я сейчас напомним! Сколько вас там? Дюжина? Две? В тот раз не хватило! Лезьте, сколько ни есть, – всем достанется.

– На тебя, дурака, и одного Лыкова хватит, – язвительно ответил Алексей. И Большой Пан тут же кинулся в атаку.

Никакой особой свалки не получилось. Очень сильный, но и очень самонадеянный, Шпрингфедер ошибся в тактике. Он попытался снести сыщика с ног – и промахнулся. Алексей был опытный боец. Наверное, самый опытный сейчас во всей полиции. И немало уже повязал богатырей. Так произошло и в этот раз. Он ловко увернулся, подставил противнику ногу, и тот с грохотом свалился на колени. И не успел опомниться, как его рука уже была заломлена за спину. Сыщик стоял сзади и выворачивал огромную клешню. Еще секунда – и Большой Пан закричал от боли. Он попытался вырваться – куда там. Словно в тиски попал...

¹⁵ Поляки заимствовали слово «сволочь» из русского языка, но произносили его с твердым «ч» на конце.

– А это тебе за лайдака, – сказал сверху Лыков. И приложил «ивану» в ухо что есть силы.

Раздался грохот, еще более оглушительный, и Шпрингфедер во весь огромный рост распластался на полу. У агентов за дверью не выдержали нервы, и они ворвались в комнату. Питерец стоял над поверженным бандитом, совершенно целый и неподрепанный.

– Скуйте ему руки браслетками, но обязательно назад, – сказал он варшавякам. – Так никто не вырвется. Даже я.

Сыскные, опасливо косясь на Большого Пана, надели на него наручники. Но тот был в полубессознательном состоянии и сопротивления не оказывал.

– Ну пошли.

– Через калитку? – спросил сыскной надзиратель Емец.

– Зачем? По улице. На углу Воробейной стоят наши экипажи, туда и поведем.

– Э-э... Пан Лыков...

– Что?

Варшавяки закричали сразу в несколько голосов:

– Их там двадцать отчаянных людей! Нам и выйти не позволят! Зачем так рисковать – пойдемте через калитку!

Действительно, у знаменитого налетчика были в Варшаве многочисленные сторонники. Только что полдюжины головорезов обчистили сберегательную кассу на Панской, покалечив городского. Но Лыков скривился:

– Вам не хочется пройтись у всех на виду с таким пленником? Не узнаю гордых поляков.

Сыщики переглянулись и разом расправили плечи. Вольнонаемный агент Стржебовецкий сказал:

– Панове! А ведь он прав. Когда еще такое выпадет?

Шляхетский гонор общеизвестен. Варшавяки загорелись мгновенно, как керосин от спички. Они вывели атамана на Щеглячью и погнались, обступив со всех сторон и держа оружие наготове. Один Лыков шел беззаботно, сунув руки в карманы. Проходя мимо кавярни, он увидел прилипшие к стеклу лица. Это караул смотрел на своего главаря и не решался его отбить. Шпрингфедер тоже заметил сообщников и встрепенулся. Лыков молча нахмурил брови. Угрозы оказалось достаточно...

Никто на них, конечно, не напал. Силы, подведомственные Рудольфу Шпрингфедеру, не были отобилизованы. Надворный советник помахал караулу, затем вежливо подсадил Большого Пана в полицейскую пролетку. Щелкнули бичи, и колонна экипажей рванула на Сенаторскую, в управление полиции. Лишь тогда все, включая и Алексея, выдохнули. Операция прошла без крови. Варшавские сыщики потом долго с гордостью вспоминали, как вели знаменитого громилу под дулами револьверов...

Вечером следующего дня командированный уезжал из Варшавы. Красивый город – жалко покидать. Алексей давно хотел приехать сюда с Варенькой и пожить неделю, показать ей здешние красоты. Все никак не получалось.

В Петербурге Лыков оказался в субботу, на Фонтанку не пошел и сразу направился домой. Наконец-то выпал день отдыха. Сыщик отсыпался, затем ходил с супругой по магазинам. Пора обновить мебель в детских комнатах, а муж дома почти не бывает... Соскучившаяся Варвара не отпускала Алексея ни на шаг. Потом он играл с сыновьями, читал дочке сказку. Вечером навестил «крестника» – городского Федора Кундрюцкого. Именно Лыков в свое время сделал из начинающего бандита столп правопорядка.

Утром надворный советник явился на службу. Полдня пролетели в суете. Он ходил по начальству и постоянно рассказывал одно и то же: как арестовывал Большого Пана. Последним его слушателем стал сам министр. Горемыкин ахал и тянул себя за длинный

ус. А потом показал телеграмму из Варшавы. Обер-полицмейстер требовал для питерца награды. Когда рядом легла депеша из Екатеринославля, Лыкову сделалось уже неловко. Получалось, что он всем героям герой и незаслуженно обойден отличиями.

– Ваше высокопревосходительство, дозволейте уж тогда в имение съездить, – сказал надворный советник. – На недельку, за свой счет. Это и станет мне наградой. Там скоро сплав леса начнется, нужно хозяйским глазом проверить. А то я с первых чисел января мотаюсь по командировкам. Туда-сюда, туда-сюда... Устал.

– С каких первых чисел? – удивился Иван Логгинович.

– А как «Жоржа Бормана» подломали, с той поры и скитаюсь по державе.

Горемыкин сразу вспомнил, о чем речь. 21 декабря прошлого года в Харькове произошло громкое ограбление. Неизвестные вынесли из конторы шоколадной фабрики «Жорж Борман» несгораемую кассу¹⁶. В воскресенье они вошли в контору через парадный вход, открыв дверь отмычкой, и «взяли на лапу». Касса весила пять пудов! Наличных денег в ней было всего три тысячи. А вот векселей, чеков и переводов – больше чем на сто тысяч рублей. Особенно шоколадные короли горевали о пропавшей чековой книжке. Несколько ее страниц были подписаны директором-распорядителем. Воры могли теперь заполнить бланки и получить по ним крупные суммы.

На помощь местным сыщикам тогда тоже послали Лыкова. И именно он установил причастность к похищению фабричного дворника. Воры испугались и 8 января подбросили бумаги во двор фабрики. Включая чековую книжку и бланкированные векселя, уже готовые к учету. Себе они оставили только наличные. Исполнителей грабежа не нашли до сих пор. Однако потерпевшие были довольны исходом дела и благодарили полицию. Лыков опять отличился.

– А потом дознание в Курске по взрыву, – продолжил Алексей, – командировка в Одессу по двойному убийству, ограбление владыки во Пскове, грабежи в Донецком бассейне, а теперь еще этот Большой Пан. Отпуск бы мне, а?

Горемыкин покосился на Зволянского. Тот молча кивнул.

– Ну, на усмотрение директора департамента.

– Конечно, разрешаю, – развел руками Сергей Эрастович. – После всего сделанного, да за свой счет... Даю десять дней.

– Плюс дорога, – просительно сказал Лыков.

– Плюс дорога.

Алексей шел домой и радовался. Весна в Петербурге! А на Ветлуге, поди, еще снег лежит под елками. Утки давно прилетели. Они с Титусом отведут душу. Ян открыл новую тягу вальдшнепов, прямо за вторым кордоном. Сильная тяга. Надо сходить, пострелять. Как там Яша? По времени, должен был уже закончить печальные свои дела и вернуться. Неужели сразу к себе проехал, не заглянул?

Он ошибся. Едва переступив порог, сыщик услышал голос Титуса. Тот восседал в гостиной и гонял с Варенькой чай с наливками. Вид у приятеля был невеселый, и у Лыкова кольнуло сердце. Что-то случилось, но что?

Алексей налил и себе чаю, а потом отвел управляющего в кабинет.

– Рассказывай.

– Заметно?

– Да. Что у тебя стряслось?

– Язеп не сам умер.

– Так...

– Его убили.

---

¹⁶ Кассой тогда называли и сейф.

- Кто? И за что?
- Не знаю. Но смерть брата была насильственной. Сам видел раны в груди, когда осматривал тело в секционной камере¹⁷.
- Что говорит полиция?
- Полиция лишь отмахивается.
- Почему?
- Язеп был жулик. Хорошо им всем знакомый, и в тюрьме сидел, и под следствием бывал.
- А что, жуликов уже можно резать безнаказанно? – вскипел Лыков, увидев, как трудно далось другу его признание.
- В Риге, выходит, можно.
- Что ты говоришь?! Давай их тряхнем, заставим открыть дознание.
- Чем ты их заставишь? – грустно возразил Титус. – Я уж и так, и эдак. Деньги предлагал. Говорят: а и черт бы с ним! Вор у вора дубинку украл. Нам только легче будет.
- Ты же сыщик, хоть и бывший. Таких еще поискать. Начни собственное дознание.
- Да я попробовал.
- Алексей насторожился. Что-то в глазах товарища ему совсем не понравилось.
- И что?
- Начал ходить и расспрашивать. Но подошли на улице трое. Показали ножи. И велели убираться домой и больше никогда не возвращаться.
- Та-а-ак...
- Надворный советник машинально отхлебнул чаю, посмотрел в окно. Потом решил:
- Тебе нужна помощь?
- Я... виноват перед братом.
- В чем?
- В том, что бросил его. Махнул на него рукой, как на пропащего. Не писал, не хотел встречаться. Презирал в душе...
- Титус вздрогнул, весь сжался, но взял себя в руки:
- А теперь его нет в живых. И ничего уже не исправить, не вернуть. Я третью ночь не сплю, все с ним разговариваю.
- Лыков скреб ногтем столешницу и думал. Накрылась охота! И плоты, возможно, спустят без начальственного глаза. Четыре года назад они с Титусом попали в Туркестан, приехали продавать лыковский лес. И там вляпались в такое, что едва уцелели¹⁸. Ян рисковал жизнью, его чуть не зарезали, а пуля оконтузила руку, до сих пор болит. За его, Алексея, барыши рисковал. Как теперь ему в ответ не помочь?
- Я получил отпуск на две недели считая дорогу. Хотел в Варнавин скататься.
- Титус поднял голову:
- И что?
- Поехали завтра в Ригу!

---

¹⁷ Секционная камера – морг.

¹⁸ См. книгу «Туркестан».

Глава 2. Рига осаживает гостей

Но выехать им удалось лишь вечером. С утра Алексей пошел к Зволянскому, объяснил ему ситуацию и спросил:

- Кто сейчас там полицмейстером?
- Считай, что никто, – огорошил его действительный статский советник.
- Это как?

– Третий год уже исправляют должность, и все разные люди. С января был Лодыженский, потом его турнули, поставили Войтова.

- А кто такой Войтов?

– Помощник полицмейстера, надворный советник. Но он пустое место. Ему тоже уже ищут замену.

- Хм. А кто губернатор Лифляндской губернии?
- Генерального штаба генерал-майор Суровцев. Молодой – всего на год старше тебя.
- Ты с ним знаком?
- Видел один раз в кабинете у Ивана Логгиновича.
- Значит, об одолжении попросить не можешь?
- Нет. Это будет неправильно понято.

– Ну, если он Генерального штаба, стало быть, его знает полковник Таубе, – успокоил сам себя Алексей. – Пойду к барончику.

- Сходи, – усмехнулся Зволянский. – Но учти, две недели отпуска уже начались!

Не тратя времени даром, Лыков отправился в Военное министерство. Там теперь были новые порядки. Ванновского отставили. Вместе с ним убрали и генерал-адъютанта Обручева, много сделавшего для становления военной разведки. Новым министром был назначен начальник Закаспийской области генерал-лейтенант Куропаткин. Некоторые чины министерства приуныли и стали искать строевые должности. Но Таубе лишь укрепил свое положение. Он служил вместе с Куропаткиным под началом Скобелева – и в Турецкой Болгарии, и в Средней Азии. Оба хорошо знали Восток и поднаторели в интригах с англичанами. Военно-ученый комитет получил новое направление: меньше науки, больше разведки.

Виктор не виделся с товарищем с Пасхи и обрадовался ему:

– Ну наконец-то! Я телефонировал Варваре, а она отвечает все время одно и то же: ты в командировке. Загоняли сивку!

– Я снова уезжаю, на этот раз в Ригу, – ответил сыщик. – Скажи, ты знаком с Суровцевым?

- Владимиром Дмитриевичем?
- Ну с лифляндским губернатором.
- Я о нем и говорю. Хороший офицер, умный. Мы вместе против турок воевали.
- Можешь дать к нему рекомендательное письмо?
- Могу. И он не отмахнется, а действительно подсобит. Но зачем?
- Титус попал в переплет.

Барон отложил бумаги, подпер кулаком красивую голову и приготовился слушать.

– У него, как выяснилось, был старший брат Язеп, – начал Алексей. – Я и не знал о нем никогда, Яков не рассказывал. А неделю назад отпросился у меня в Ригу, на похороны брата. Я, конечно, отпустил. Вчера он вернулся и говорит: Язепу убили! Но полиция не хочет вести полноценное дознание.

- Почему?

– Брат, оказывается, был жуликом. И сыщики лишь обрадовались его смерти. Мол, и черт с ним, воздух чище стал.

– То есть надо заставить тамошних лекоков рыть землю как следует?

– Да. И держать нас в курсе дела. Якова как ближайшего родственника, а меня как сыщика. Который не даст себя обмануть, а при хороших отношениях и поможет рижскому сыскному отделению.

– Думаю, что просьба твоя корректна и я могу передать ее губернатору, – ответил Виктор. – Посиди пять минут, я сочиню письмо.

В итоге друзья выехали в Лифляндию с бумагой на имя начальника губернии. На вокзал они явились загодя, чтобы сесть вместе. Спальные места в русских вагонах до сих пор не нумеровались, дороги лишь собирались ввести это новшество.

Путь на Ригу лежал через Псков, с пересадкой там в другой поезд. Путешественники сошли на дебаркадер Двинского вокзала через тридцать часов. Погода в городе оказалась не чета петербургской. Голубое, совсем весеннее небо, деревья в дымке первой зелени... Красота!

Управление полиции находилось на Театральном бульваре, прямо напротив вокзала. Но сначала надо было заселиться. Титус, как знаток местных обстоятельств, велел извозчику доставить их на Сарайную улицу.

– Яша, я только что из Варшавы, там есть улицы Гнойная и Волчья. Но мне не пришло бы в голову отправить тебя туда, – стал брюзжать Лыков. – Неужели нет чего получше? Сарайная, поди, на окраине, посреди балаганов? Давай не будем экономить, я угощаю.

– Привыкай, Леша, – усмехнулся Титус. – В Риге надо быть местным, чтобы разбираться. Слушайся меня во всем. А Сарайная улица находится в самом центре Старого города, возле зданий обеих Гильдий. Гостиница «Центральная», в которую мы едем, – одна из лучших в городе. И вовсе не дешевая: три рубля в день за номер.

– Вот так цены! – охнул богач Лыков. – Нет ли чего попроще?

– Осмотримся и переедем в номера. К Доммерстерну на Мариинскую, или к Гаазе на Театральный, поближе к полиции.

– А русских номеров нет? Не хочу немцев кормить.

Титус опять хихикнул:

– Экий ты русопят. С таким отношением в Риге делать нечего. Немцы заправляют здесь всем. По-русски говорят только на Московском форштадте, а во всех остальных местах без знания немецкого языка шагу не ступить.

– И как я буду объясняться?

– Через меня, как же еще. Привяжу тебя на веревочку, чтобы не потерялся, и станем ходить парой.

Пролетка ехала узкими средневековыми улицами. Алексей с любопытством разглядел сначала экипаж с возницей и раскритиковал его:

– Эдак и в Москве ездят. Сбруя старая, извозчик небритый. То ли дело в Варшаве.

– Это потому что он латыш, – пояснил Титус. – А вот смотри: немец едет. Сразу видать!

Навстречу им катила новенькая ухоженная пролетка. Ею правил фурман в добротной синей ливрее с капюшоном и в черном плисовом картузе. Даже лошади у него были особенные: поджарые, спокойные, с рассудительными тевтонскими мордами.

– Понял теперь? А ты – Варшава...

Надворный советник хотел съязвить, но передумал. Рига все больше удивляла его. Надо сначала разобраться, а уж потом спорить. И он стал глазеть по сторонам.

Город определенно нравился Лыкову. Европа, истинная Европа! Чисто, аккуратно, архитектура приятна глазу. Разве что зелени мало, но это, по словам Яана, лишь в старой части. Сейчас город разросся за бывшие крепостные валы, и там с парками все в порядке. Сходство с Западом усиливали вывески: почти все они были на немецком языке и ставили гостя в тупик.

Гостиница «Центральная» оказалась красивым современным зданием с толстым швейцаром у входа и рестораном на первом этаже. Путешественники бросили вещи в номере и пошли завтракать. И снова обнаружили Европу. Вместо чая в ресторане предлагали кофе, а из еды – сосиски всех видов. Что поделаешь, пришлось есть, что дают.

Перед тем как выходить, Алексей переоделся в форменный сюртук. Хоть он и был в отпуску, беседовать с полицмейстером лучше так. Сыщик нацепил на шею Владимира третьей степени, а в петлицу – солдатский Георгиевский крест и Владимир четвертой степени. Получилось внушительно.

До места они дошли пешком. Лыков беспрестанно крутил головой и комментировал. Его восторги от города только увеличивались. Какие шпили старинных соборов! Какой лоск на всем! Ничуть не хуже Женевы или даже Парижа. Вот и театр не подкачал. Правда, узнав, что он называется Немецкий, сыщик скривился. Так и вошел в полицейское управление с ухмылкой. Вроде бы в России, а будто бы и не дома. Как тут встречают петербуржцев?

Исправляющий должность рижского полицмейстера надворный советник Войтов принял их незамедлительно. Однако беседа сразу не задалась.

Алексей начал с пояснения. Он чиновник особых поручений Департамента полиции, но прибыл сюда по личной причине. У его управляющего господина Титуса погиб в Риге брат. Лыков и Титус как об особом одолжении просят помочь в воздействии на сыскное отделение. Оно ведет дознание крайне неохотно и по сути формально, оттого лишь что покойный был не в ладах с законом. Разве это повод, чтобы спустить дело на тормозах? Убийство – тягчайшее из преступлений. Злодей или целая шайка ходят по улицам. Возможно, замышляют новое кровопролитие. Он, Лыков, опытный человек и готов помочь местным силам. Если же те справятся сами, то сыщик будет признателен, если его станут держать в курсе дела. Раскрывших убийство ждет большая денежная награда – с разрешения господина полицмейстера.

Чем дольше говорил Алексей, тем скучнее делалось лицо у Войтова.

– Вы говорите о Язепе Титусе? – прервал он питерца.

– Да, о нем. Мы хотим...

– Что вы хотите, я понял. И ваш управляющий уже был у меня по этому вопросу. Мне нечего добавить к сказанному прежде. Дознание ведется вполне усердно. Откуда у него сведения, что сыскное отделение халатничает, мне неизвестно. Уверяю вас, что это не так. Во вверенной мне полиции все служат на совесть.

– Но...

– Не вижу, что я могу для вас сделать. И потом, вы же в отпуску. Частное лицо. И пытаетесь оказать на меня давление?

– Ну что вы, господин полицмейстер! Мы просим об одолжении, понимая вашу занятость и высокий статус. Господин Титус, когда был у вас на приеме в первый раз, не говорил о награде. Может быть, эта новость усилит рвение сыскного отделения? Если вы, конечно, позволите отличившемуся принять ее.

– Да, – кивнул Войтов, – такое у нас практикуется. Сыщики в Риге хорошие, они часто находят воров и пропажу. И если потерпевший готов отблагодарить за служебное рвение, я всегда разрешаю им принять награду. Но здесь... Сомневаюсь, что это поможет.

– Вы позволите хотя бы сообщить о награде начальнику отделения?

– Так и быть, господин Лыков. Из уважения к вашим орденам.

Гости прошли в сыскную часть и сразу поняли, что явились не вовремя. Там происходило опознание отобранных у воров вещей. На столе начальника было разложено несколько глухих мужских часов, с цепочками и без. По большей части они были серебряные, но одни оказались золотые. Рядом блестел серебряный порт-папирос с эмалью. Здесь же находились предметы попроще: дамский зонтик из полупелкуровой ткани, отрез серого крепа и потертый

кошелек зеленой кожи. В углу особняком лежал дорогой каракулевый костюм. Несколько человек разглядывали все это и пытались опознать свои пропажи.

Начальник отделения коллежский ассессор Кнаут был очень недоволен вторжением. На лыковские кресты он даже не взглянул и про награду для сыщиков слушал вполуха. Алексей попросил выдать Яану конфискованные бумаги убитого. Кнаут нехотя согласился, но поглядеть материалы дознания не разрешил. Вместо этого он вручил питерцу несколько постановлений:

– Вот, смотрите, за кого вы так радуете. И охота вам время тратить!

Лыков был рад любым сведениям и внимательно просмотрел документы. Это оказались приговоры мировых судей по преступлениям Язеп Титуса. Первые десять дней ареста он получил, еще будучи студентом Политехникума – за бесстыдные действия на улице. В чем именно они заключались, приговор умалчивал. Затем пошли сроки более весомые. Десять месяцев тюрьмы за кражу вещей посредством подбора ключа. Два месяца работного дома за мошенничество с абонентскими книжками общественной столовой. Полтора года тюрьмы за квартирную кражу посредством взлома преград. Рецидивист!

После третьей отсидки Язеп сделался осторожнее. По словам сыщиков, он перестал воровать сам, а перелицевался в наводчики. Причем помогал обкрадывать своих знакомых! Приходил в гости, запоминал, где лежат ценности и какие в доме замки, а потом насылал туда громил. Дважды был оставлен судом в сильном подозрении. В конце концов рижане прекратили принимать негодяя, и тот сменил род занятий. Вроде бы даже нашел какую-то службу. Последние два года старший Титус не причинял хлопот полиции. Но он оставил по себе такую дурную память, что сочувствия его гибель не вызвала. Зарезали – так ему и надо.

Пока Лыков смотрел протоколы, обстановка в отделении чуть разрядилась. Обыватели ушли, остались только сыщики. И Алексей попытался наладить с ними доброжелательные отношения. Он сказал: пусть убитый был жулик, но ведь брат есть брат. И за кровь его следует отомстить. Да и вообще, убийцу нельзя отпускать безнаказанным. Эти слова рижане оспаривать не стали.

Далее Лыков сообщил, что хорошо понимает положение чинов полиции. Сам три года отбарабанил помощником начальника сыскного отделения в Нижнем Новгороде, хлебнул лиха. А Яан Францевич до начальника дослужился. Тоже не чужой человек сыскому делу. Они тут гости, сами вести дознание не имеют права. Но по-человечески просят приложить усилия и не оставят успех без награды.

Кнаут смягчился и стал жаловаться:

– Вы не представляете себе, что тут творится. Вор у вора на голове сидит! Каждый день несколько краж. Тащат все подряд. Вот хоть сегодняшняя сводка. На улице Гертрудинской стянули поливочный шланг. Зачем он жуликам? Клумбу поливать? На Известковой из ресторана утащили симфонион и тринадцать листов металлических нот. Хозяин отвернулся на минуту – и нету... Их же невозможно продать! Но все равно украли. В вагоне конно-железной дороги поймали вора, который шарил по карманам соседей. А на его коленях в это время, для отвлечения внимания, лежали восковые руки в перчатках. Прикрытые пелериной. Каково?

– Это кражи. А дела посерьезнее? – перевел разговор Лыков.

Коллежский ассессор вздохнул:

– Бич Риги – ножевые драки. Тоже ежедневно. Особенно на Московском форштадте – там каждый босяк с финкой ходит. Чуть что – сразу хватаются за клинки. Грабежи нескончаемы. Вчера на Витебской возле ренского погребца Гринута напали на рабочего. Нанесли раны в лицо и спину, сорвали с костюма серебряную цепочку с часами и были таковы. Пострадавший отправлен в спасительное заведение. Вчера же ограбили барышню возле турецкой

булочной – вон ее из окна видать! Прямо напротив полиции. А в Верманском парке подошли к сидевшей на скамейке женщине, ударили без повода ножом в руку и в голову. И спокойно удалились.

– Да... Трудно вам приходится. Но что в Риге с убийствами?

В отделении повисла тишина. Кнаут пожал плечами:

– Да, видимо, как и у вас было в Нижнем Новгороде. Вот муж жену на Рождество палкой до смерти забил. В Зассенгофском лесу прохожего зарезали в марте. Ну, этих мы нашли.

– А кого не нашли?

– Того, кто брата вашего управляющего прикончил.

– Неужели не хочется исправить статистику?

– Полицейстер тоже нас подгоняет. Но пока никак.

– Где обнаружили тело? – осторожно спросил Лыков.

– На Кобронских валах, – с запинкой ответил Кнаут.

– Их еще называют Шведскими окопами, – пояснил Титус. – Старые укрепления генерала Коброна, остались еще с семнадцатого века. В Митавской части, на том берегу Двины. Саксонцы их разрушили, а русские потом восстановили, когда Ригу осаждали.

– Кто нашел?

– Ребятишки, они всегда там лезят, – уже более охотно сообщил начальник отделения. – Полагаю, это ограбление. Часы и бумажник отсутствуют. Свидетелей, как всегда, тоже нет. Кто-то из своих его порешил.

– Почему вы так думаете?

– Разумный человек не пойдет туда ночью просто так. Значит, у вашего брата, господин Титус, была там назначена встреча.

Ян согласно кивнул:

– Конечно. Но вы решили, что вор у вора дубинку украл. Почему? Ведь два последних года Язеп ни в чем преступном не был замечен.

– А! Просто научился замечать следы. Как там у вас, у русских, говорят? – обернулся коллежский ассессор к Лыкову. – Горбатого только гроб исправит?

– Могила.

– Ну вот она его и исправила.

Слова главного сыщика заделали приезжих. Они были сказаны и зло, и бестактно. Лыкову с Титусом ничего не оставалось, кроме как уйти. Похоже, Кнаут этого и добивался.

У дверей Алексей двинул бровью – и не стал спускаться, остановился на лестнице. Через минуту следом на площадку вышел надзиратель Растегаев – единственный русский в составе сыскного отделения.

– Ваше высокоблагородие... – начал он.

Но Лыков оборвал его на полуслове:

– После восьми в «Центральной».

И быстро побежал вниз. На улице он объяснил другу:

– Когда я сказал про награду, он сразу загорелся. Но у Кнаута все ходят по струнке. Надо подкупить парня втайне от пристава¹⁹. Он что-то знает и хочет сказать. Приготовь деньги.

Выйдя из полицейского управления не солоно хлебавши, друзья отправились к губернатору. Ян вел товарища разными закоулками и показывал достопримечательности. Лыков увидел Бастионную горку, Пороховую башню с застрявшими в ней ядрами, Яковлевы казармы, прошел Шведскими воротами на Домскую площадь, где долго любовался собором.

---

¹⁹ Официально должность Кнаута называлась так: пристав, заведывающий сыскной частью.

Резиденция начальника губернии была в Замке. Это старинное сооружение на берегу Двины уже двести лет как потеряло свой боевой облик. И сделалось местом пребывания русских властей. Больше всего Лыкова удивил рассказ Титуса, что в Замке в свое время служил баснописец Крылов. И не кем-нибудь, а правителем канцелярии генерал-губернатора князя Голицына. Важная и хлопотливая должность. Как мог этот лодырь и сибарит исполнять ее?

Замок после того, как в нем надстроили четвертый этаж, стал выглядеть совсем партикулярно. Друзья явились в приемную. Но их ожидало разочарование. Секретарь сообщил, что генерал-майор Суровцев отбыл в отпуск на Кавказ. И появится на службе лишь через три недели, в конце мая. Его обязанности исполнял вице-губернатор действительный статский советник Булыгин. Но к нему у Алексея рекомендательного письма не было. Неудача второй раз за день... Следовало идти в гостиницу и ждать Растегаева. Теперь вся надежда была только на него.

До вечера Яан водил приятеля по родному городу. Ах, Рига! Словно попадаешь в средневековую сказку. Высоченные шпили соборов с петушками на флюгерах. Внутри играет орган и молчаливые тени ходят между надгробиями остзейских баронов. Снаружи бьется жизнь, никак не похожая на повседневность русского губернского города. Шведская брусчатка под ногами. Чужая резкая речь звучит повсюду. Чайных почти не видать, а вот кофейни на каждом углу. И в них подают вкусные штоп-кухен, булочки со взбитыми сливками. Потомки завоевателей действительно заправляют всем. Из семидесяти двух гласных думы только два латыша, а шестьдесят четыре имеют германские фамилии. Легко можно встретить рижан по фамилии Иванов или Петров, которые ни слова не знают по-русски. Это их предки из соображений коммерческой выгоды хотели стать немцами – и стали. Не отстают и многие латыши: из Берзиных многие переписались в Берзинги, из Озолиней – в Озолинги. Иначе так и останешься черной костью.

В Риге проживает 280 000 человек, из которых примерно 120 000 составляют латыши, 60 000 – немцы и 50 000 – русские. Остальные народности – это евреи, литовцы, белорусы и еще эсты. Будучи второй по численности нацией в столице губернии, немцы на самом деле первые.

За последние годы город совершил мощный скачок в промышленном развитии. 275 заводов и фабрик! Такого нет больше нигде в империи. Причем помимо пивоварен и маслобоек есть и другие. Рига сделалась столицей новых, технически сложных и самых современных производств. Одних машиностроительных заводов десять. А еще механические, металлургические, электротехнические, химические, судостроительные, резиновые. Имеется два вагоностроительных завода. Есть даже фабрика по производству велосипедов, единственная в России. Почти все эти новейшие предприятия принадлежат немцам. Часто настоящим, имеющим германские паспорта. Русские купцы отвоевали себе некоторые позиции. Они полностью контролируют, например, торговлю лесом, льном и зерном. Еще русские сильны в пищевой отрасли: бакалее, содержании трактирных заведений и тому подобном. Латыши наименее успешны, и в их рядах зреет недовольство. С 1887 года языком преподавания во всех школах Риги наконец-то стал русский (до этого преподавание шло на немецком). Но латышский совсем в загоне. Литераты²⁰ раскололись. Некоторые стоят за рост национального самосознания коренного населения. Другие призывают латышей сплотиться вокруг ведущей нации, подразумевая русскую, и раздавить германцев. Третьи смотрят на Mutterland – мать-землю, общее немецкое отечество.

Тевтонское засилье имеет старые корни. В 1721 году был подписан Ништадский мир, завершивший длинную Северную войну. Россия отобрала у шведов всю территорию от Риги до Выборга. Чтобы успокоить своих новых подданных, Петр Первый обещал сохранить

²⁰ Литераты – местная интеллигенция.

привилегии местных дворян и горожан на вечные времена. Пункт IX договора гласил: «Его Императорское Величество обещает, что за всеми жителями провинций Лифляндии и Эстляндии, как и острова Эзеля, дворянского происхождения и недворянского, а также за всеми находящимися в названных провинциях городами, должны быть постоянно и неизменно сохранены привилегии, права и преимущества, которыми они пользовались под шведским правительством». Этот-то пункт остзейское дворянство и приняло за главный. Русские государи неоднократно пытались урезать завышенные аппетиты баронов. Но те прятались за стеной отживших свой век привилегий и средневековых учреждений. И упорно сопротивлялись всем мероприятиям правительства. Исполнительная власть на местах принадлежала исключительно здешним дворянам. И те десятилетиями саботировали реформы Петербурга, которые их не устраивали. Так, еще при Александре Первом бароны отказались от крепостного права. Вроде бы молодцы: вся остальная Россия под игом крепостничества, а в Прибалтике свобода. Но остзейцы схитрили. Земля в Прибалтийских губерниях принадлежала только им. Крестьяне-латыши получали ее лишь в аренду, причем договор мог быть расторгнут хозяином в любой момент. И бедного землепашца выгоняли на улицу со всей семьей, даже в мороз. Суды и мызная полиция тоже были сплошь немецкими, и искать там защиты оказывалось бесполезно. Рабство никуда не делось, просто оно стало экономическим.

Deutschtum – «немечество» – национально-объединительный термин для всех немцев. Германия без границ, Германия там, где немцы! При любой попытке урезать права баронов те жаловались «нах фатерланд». И сначала прусские короли, а потом и германские императоры энергично вступались перед русскими монархами за соотечественников. И наши государи тушевались.

Но вдруг на троне появился человек, который не любил немцев и обладал сильной волей. Александр Третий показал наконец, кто в российском государстве хозяин. Он уравнил Прибалтийские губернии в порядке их управления с другими. По итогам знаменитой ревизии сенатора Манасеина, вскрывшей засилье немцев, государь решил унять колбасников и освободить латышей и эстов от приниженного состояния. В 1889 году были введены новые суды, те же, что и во всей России. Русский язык стал единственным в государственных учреждениях. Это притом, что немцы издавали в Риге восемнадцать газет, русские – лишь восемь, а латыши и того меньше – пять.

Бароны продолжили борьбу за свои архаичные привилегии. При дворе у них хватало союзников. Земское хозяйство по-прежнему оставалось полностью в немецких руках, равно как торговля и промышленность. Бароны ведали также земельным кредитом, а значит, развитием сельского хозяйства. Власть пробовала давить. Например, готовилась открыть в крае отделения Крестьянского поземельного банка, чтобы отнять монополию у немцев и помочь латышам. Две силы тягались друг с другом, обращая мало внимания на третью. Коренное население взирало на эту схватку снизу вверх. Его ни о чем не спрашивали.

Так сложился удивительный город, самый нерусский в русском государстве. Столько тут оставалось диковинного славянскому глазу! Лыков слушал местного уроженца Титуса и поражался. В рижской городской управе есть такая должность – браковщик сельдей. Помимо конно-железной дороги, управе принадлежит также целая эскадра пароходов, которая возит население взад-вперед через Двину. Проезд до Гагенсберга и Шварценгофа стоит пятак в первом классе и три копейки во втором. Городскому самоуправлению подчиняются участковые трубочисты. А в канцелярии губернского правления мирно скрипит пером коллежский регистратор Барклай де Толли.

Старая Рига – это парадный фасад, казовая часть. Здесь все древности, и здесь же все немцы. Прочь от реки, в сторону бывших крепостных валов отходят улицы Нового города. За каналом выросло несколько живописных бульваров. Здания Окружного суда и православного кафедрального Христорожественского собора весьма их украсили. За собором срыли

Древнюю гору, с которой завоеватели всегда обстреливали Ригу, и заложили на ее месте Эспланаду. Пока это пустырь, но в будущем обещают разбить сад. Вообще, сады в городе хороши. Особенно Верманский, куда Яан в первую очередь повел Алексея. Заложенный вдовой купца Вермана, урожденной госпожой Эбель, он был подарен ею городу. В память вдовы в саду стоит обелиск. Вокруг цветочные клумбы, розовые плантации с солнечными часами посередине, изящные бронзовые статуи и античные вазы. В колоннаде здания Общества минеральных вод летом устраиваются утренние концерты. А по вечерам играет военный духовой оркестр. Красота!

Еще в городе два театра – Русский и Немецкий, – цирк, зверинец, несколько перво-классных гостиниц, пассажи, рестораны, шантаны и варьете. Появилась даже поговорка: парижанина от рижанина отделяет целое «па». Но это лишь красное словцо. Конец Александровской улицы весь тонет в дымах фабричных труб. А когда она переходит в Петербургское шоссе, делается совсем неудобно...

Дивный город, не похожий ни на какой другой, закружил Алексея. Сколько в нем циклистов! Постоянно приходилось уворачиваться от их велосипедов. Если верить газетам, последних здесь более четырех тысяч. Почти все любители велосипедной езды входят в одно из пяти обществ. Цвет фонарей у каждого свой, и по нему ясно, к какому обществу принадлежит человек. Если он сам по себе, тогда фонарь у него белый. Сзади и спереди на раме укреплены номера. Чтобы получить право ездить по улицам, необходимо сдать экзамен. Номер подтверждает, что экзамен ты выдержал. Велосипеды часто воруют...

Да что циклисты. Лыкову встретился даже автомобиль! Это притом, что в самом Петербурге их раз-два и обчелся.

В полицейском отношении Рига разделена на четыре части. Те, в свою очередь, дробятся на участки. Старый центр относится к Городской части и состоит лишь из двух участков – настолько он невелик. За Елизаветинской улицей правобережная Рига распадается на Петербургский и Московский форштадты. Первый почище, и там тоже селятся немцы. Второй тянется вверх по Двине. Бесконечно длинная Московская улица доходит до фарфорово-фаянсового завода Кузнецова. Его убрали на самый край из соображений пожарной безопасности. И правильно сделали: там постоянно что-то горит. А народ вокруг завода подобрался какой-то особо лютый, пришлому человеку и по улице пройти опасно. Но так во всем форштадте. Пролетариат поголовно вооружен ножами. Их пускают в ход при каждом удобном поводе, то и дело в городские больницы привозят оттуда раненых. Воскресенье – трудный день для полицейских. К сумеркам они стараются убраться из форштадта подброду. В отличие от барской Городской, в Московской части целых четыре участка, и на всех хватает занятий. Когда веселье достигает пика, даже постовые городские прячутся. Предместье переходит в руки хулиганов и портяночников²¹. Пьяные толпы с гармошками шляются из кабака в кабак. Все, как в обычном русском городе! В понедельник на улицах тихо, и на заводах станки тоже молчат. Рабочий люд похмеляется; трудиться начинают лишь со вторника.

Петербургский форштадт потихоньку также спивается, но не весь, а только его рабочая окраина. Здесь криминал укрылся в пригородных местечках. Народу много, а порядка мало. Ни один извозчик вечером не повезет пассажиров в Биркенгоф. А другого сообщения, кроме omnibusов, нет. Местность за Александровскими воротами густо заселена. Шрейенбуш, Мордорф, Страденгоф на берегу Егельского озера бойко обустраиваются. Полиции же не видать...

Левый берег реки, Задвинье, весь относится к Митавской части. Здесь уже проживает 60 000 человек. Большая часть из них латыши, есть русские, эсты, евреи. А вот немцы ста-

²¹ *Портяночник* – налетчик, мелкий грабитель (*жарг.*).

раются не селиться. Шалют в Митавском форштадте чуть меньше, чем в Московском. Потихоньку Задвинье обретает цивилизованный вид. Тут помещаются Лифляндская заводская конюшня, Пинкенгофское училище, приют «Плескодаль», обойная и карандашная фабрики. Недавно поставили патронный завод. Керосиновые фонари горят на главных улицах, кое-где видны городовые. Но в Зассенгофском лесу, например, могут ограбить даже среди бела дня.

Вообще, окраины – бич Риги, рассадник преступности. Административно к городу причислен так называемый Патримониальный округ, включающий в себя все окрестности. В нем преимущественно и сосредоточена вся фабричная деятельность. Но зато и закона там нет.

Некоторые городские порядки показались Лыкову очень разумными. Например, он обратил внимание на то, что номерные доски на домах в разных местах отличались по цвету. И попросил объяснения у Титуса. Тот сообщил, что это сделано для удобства обывателей. В Городской части доски красные, в Петербургской синие, в Московской желтые, а в Митавской – белые. Человек, проходя по улице, всегда может определить, в какой он части.

Титус показывал и рассказывал, пока не устал. В форштадты он приятеля не повел, изложил лишь их реалии для общего развития. Яан больше нажимал на историю. Начал он издалека. Устье Двины всего в десяти верстах, а это выход в Балтийское море. Ригу искони делала торговля. Посредник между славянами и ганзейцами, город поднялся на товарообмене. И сейчас рижский порт – второй в империи по оборотам после Кронштадта. А по торговле лесом – первый в мире! Но промышленность уже теснит торговлю. Если так пойдет и дальше, скоро без Риги империи не обойтись.

Город присоединил к России Петр Великий. Сделал он это силой оружия в 1710 году, после длительной осады. И сначала очень невлюбил Ригу. Обида пошла, если верить Титусу, еще с первого посещения города в 1697 году. Тогда царь под именем урядника Петра Михайлова проезжал ее в составе Великого посольства. А шведский комендант города выказал ему неуважение и вообще чинил всякие препятствия. Наверняка и русские отличились: двести пятьдесят человек свиты и обоз из тысячи саней – компания немалая. Люди были разные, в том числе и невоспитанные, не знающие западную культуру. И сильно пьющие. Тут еще царь решил осмотреть крепость, а караул не хотел его пропускать, как шпиона. В итоге Петр Алексеевич уехал из негостеприимной Риги в дурном настроении. В отместку за это при осаде он лично запустил в город три бомбы... Но потом, став хозяином Риги, примирился с ней. Построил там дворец, разбил знаменитый Царский сад, в котором до сих пор стоит вяз, посаженный его руками. Государь даже, по словам Яана, обдумывал планы перенести сюда российскую столицу! Наверняка лифляндец загнул из патриотизма. Но факт тот, что в Риге великий самодержец побывал за свою жизнь девять раз. А в Нижнем Новгороде, к примеру, лишь дважды.

Так, с собственным чичероном Алексей осматривал славный город до вечера. Ровно в восемь пополудни, когда приезжие сидели в номере, к ним постучали. Вошел Растегаев.

– Ваше высокоблагородие, а какая предполагается награда? – сразу взял он быка за рога. – Ежели, значит, кто поможет вам найти злодея...

Титус хотел ответить за Лыкова, но тот его опередил:

– Тысяча рублей.

Лицо у надзирателя почтительно вытянулось.

– Ого! За такие деньги к вам тут любой на службу поступит.

– Любого нам не надо, Сергей... э-э...

– Петрович. А как вы имя узнали?

– ...Сергей Петрович. Имя ваше мы узнали из календаря – вы же в нем указаны.

– Виноват, забыл.

– А нас зовут Ян Францевич и Алексей Николаевич. Так вот, любого мы не хотим, а желаем человека опытного и честного. И чтобы он был при этом сведущ. Кто попало убийцу не сыщет.

– Понятно, Алексей Николаевич. Я сам бы всей душой и с удовольствием, но господин пристав после вашего ухода строго-настрого запретил вам помогать. Под угрозой немедленного увольнения.

– Вот даже как? – поразился надворный советник.

– Именно. Поэтому речь я поведу не о себе. А о другом человеке. Бывшем нашем надзирателе.

– Бывшем? – насторожился Ян. – Его выгнали? За что?

– Нет, господин Никифоров ушел со службы сам. И начальство очень об том сокрушалось.

– Сергей Петрович, а может, в ресторан, по кружке пива? – перебил гостя Лыков, но тот отказался:

– Нет, не надо, чтобы нас вместе видели. Давайте тут посидим. Так я продолжу. Александр Лукич был лучшим надзирателем в сыском отделении. Не далее как в декабре он в одиночку задержал важного преступника, приговоренного к арестантским ротам и сбежавшего из-под стражи. В январе поймал воров железа, а следом шайку квартирных громил взял с поличным. Жулики очень его боялись! Прозвище ему дали – Зверогон. Всех держал в кулаке. Но... пришлось Никифорову оставить службу. Не по своей воле. И не по приказу начальства.

– Прижал кого не следовало? – догадался Лыков.

– Точно так, Алексей Николаевич. Видите ли, уголовные у нас трех главных национальностей: немцы, русские и латыши. Есть еще евреи, те, как полагается, мошенничеством занимаются. Ну, эстонцы по мелочам. А вот воры да грабители из трех наций. Главные, конечно, немцы. И Саша поймал на сбыте фальшивых банкнотов некоего Карла Преде. А тот оказался кассиром самого Цвейберга.

– Поясните, кто это.

– Теодор Цвейберг, если говорить на нашем жаргоне, будет «иван», главный жулик из германцев. Между прочим, прусский подданный! Купец, держит кассу ссуд, два ресторана на него записаны. Управляет Александровским рынком. А сам при этом маклак – первостатейный скупщик краденого. Даже из Ревеля ему везут! Был два срока гласным думы, знает в ней всех наперечет. Ну и... вась-вась.

– Вась-вась? – не понял Титус.

– Да. Решает там любые вопросы. Дума-то в Риге почитай вся немецкая, вот он и продвинул в исправляющие должность полицмейстера подполковника Лодыженского.

– И что Лодыженский? Съел Никифорова?

– Нет, Цвейберг поступил хитрее, – пояснил надзиратель. – К Саше пришли пять человек и сказали: тебя мы не тронем, ты полицейский надзиратель, а вот твою мать старушку утопим в Клюверском канале. Ежели не уйдешь с должности. Они живут вдвоем в Митавской части, в глухой улице по-возле этого канала. И Саша мать свою очень любит.

– Полицейстер ему не помог, – констатировал Лыков.

– Именно! Никифоров, конечно, сообщил по начальству. И рассчитывал на защиту. А Лодыженский ему сам посоветовал уйти. Так, мол, матушка целее будет.

– Однако... – пробормотал Титус.

– Но ведь теперь у вас новый полицмейстер, Войтов, – сказал Алексей.

Но Растегаев лишь махнул рукой:

– Он временный человек и ничего решать не станет. Специалист по зеленому полю²². Ему уж замену нашли, к осени поставят.

– И кто это будет?

– Гертик. Немец.

Все трое помолчали, потом Растегаев продолжил:

– Мы, русские, все тут под богом ходим. Но я про Никифорова. Вот какой человек вам нужен. Он теперь частное лицо, ищет место. А для места требуется залог²³. Залога у Александра Лукича нет, поскольку он взятки не брал. Ваши интересы тут сходятся. Он, как знающий потаенную Ригу, отыщет нужные вам улики. А вы ему поможете с залогом.

– Очень верная мысль, – сразу согласился Алексей. – Вы ведь тоже, как действующий чиновник полиции, сумеете при необходимости незаметно помочь Никифорову? Справкой или еще чем...

– Сумею.

– А он, надо полагать, заплатит вам за это из своей доли.

Растегаев слегка смутился, но ответил честно:

– Мы с ним договоримся. Никифоров людей не обманывает. Ну а деньги... Что ж, деньги всем нужны.

– Как нам познакомиться с отставным сыщиком?

– Надо ехать к нему домой. Лучше прямо сейчас, пока понтонный мост не развели.

И они отправились в Задвинье. По совету надзирателя, гости купили жестянку дорогого чая, сахарную голову и маковых баранок. Пока пролетка катила по мосту, Лыков обдумывал услышанное. Уже в который раз за сегодняшний день прозвучало слово «немцы». И опять с негативным оттенком. Послушать Растегаева, так они заправляют в городе всем. Уголовный атаман меняет по своей воле полицмейстеров! Руками городской думы. Сыщик бывал во многих российских городах. Везде начальника полиции назначает губернатор. Может учесть мнение городского головы, а может и проигнорировать. Да, управа влияет на текущую работу полиции, она же ее финансирует. Но вертикаль административного подчинения в империи важнее, чем власть рубля. Чиновник полиции, даже самый ничтожный, находится на коронной службе, и не купцам с домовладельцами руководить им. На это есть министр внутренних дел! Осторожнее надо относиться к словам обиженных русаков. Очень удобно свое собственное неумение свалить на немецкое всесилие... Опять же, и немцы бывают разные. Виктор Таубе вон тоже остзейский барон.

Между тем пролетка съехала с моста и свернула направо. Сразу стало заметно, что это окраина. Яркие газовые фонари, что в центральной части, сменились на тусклые керосиновые. А мусора-то сколько! А пивных! В каждом доме.

Лыков заметил и еще кое-что. Он толкнул Титуса локтем в бок и сказал:

– Посмотри-ка на подоконники. Срам!

Ян хмыкнул:

– Сразу видать, что нету в городе настоящего полицмейстера. А есть только врид²⁴.

Действительно, во всех питейных заведениях, мимо которых они ехали, в окнах торчали фикусы, какие-то картины, большие кружки и прочий хлам. Уже стемнело, и свет изнутри едва пробивался сквозь эти баррикады. А ведь оно строжайше запрещено! Согласно постановлению, окна таких заведений нельзя заставлять ничем – чтобы полиция, проходя

²² Специалист по зеленому полю – картежник.

²³ Тогда для назначения на хорошую должность часто требовался залог. Он вносился на счет работодателя и хранился там до увольнения работника. В случае возникновения убытков по вине последнего они покрывались из суммы залога.

²⁴ Врид – временно исправляющий должность.

по улице, могла беспрепятственно наблюдать, что делается внутри. Околоточный обязан следить за этим во время обходов. А тут полный беспорядок, и никому нет дела.

Наконец они добрались до самого конца улицы Канавной. Извозчику велели никуда не уезжать и прошли в дом.

Семейство Никифоровых занимало крохотную трехкомнатную квартирку на втором этаже. Там царила достойная, очень опрятная бедность. Но именно бедность. Все блестит, все начищено, нигде на пылинки. На комодке даже красуется томпаковый²⁵ самовар. Иконы старые, хорошего письма. И несколько книг стоит на полке. Однако смотреть на это жилище тяжело, безденежье так и выпирает.

Александр Лукич понравился Лыкову. Высокий, плечистый, с открытым славянским лицом. Он не ждал гостей и сначала немного растерялся. На вопрос приятеля, как дела, вполголоса ответил:

– В долг пока дают. Но скоро перестанут.

– Тут приезжие господя хотят предложить тебе временную работу.

– Мама, что у нас с самоваром? – крикнул Никифоров, отворачиваясь. Попытался скрыть то выражение, что мелькнуло у него на лице. Надежда и что-то еще. Искательность и одновременно неверие в удачу.

Вышла аккуратная старушка, сказала:

– Горячий. Только вот чем будем угощать?

– А мы все с собой привезли, – стал вываливать кульки на стол Титус. – С удовольствием попьем, коли угостите. Я хоть и лифляндец по рождению, но давно живу в России и привык к чаю. Позвольте представиться: Ян Францевич Титус, лесопромышленник.

– Титус? – тут же вскинулся Никифоров. – А... – Но осекся, не договорил.

– А это Алексей Николаевич Лыков, мой товарищ и притом работодатель.

– Так бывает? – не удержался хозяин.

– Редко, но бывает, – вступил в разговор надворный советник. – У меня имение в Ветлужском уезде, Ян Францевич там управляющий. Мы прежде вместе служили в Нижегородской сыскной полиции.

– Вот как, – насторожился Никифоров. – Тоже отставные, как и я?

– Господин Лыков – чиновник особых поручений Департамента полиции, – пояснил надзиратель. – То есть он сам сыщик, лесом не занимается. А здесь в отпуску, по личному делу. Сейчас тебе все разъяснят.

Четверо мужчин уселись за стол и принялись ждать чая. Старушка споро расставила чашки, положила щипцы для сахара, заварила покрепче в чайнике и удалилась. Немедленно Титус заговорил:

– Вы правильно догадались, Александр Лукич. Я брат Язеп Титуса, которого зарезали. И хочу доискаться истины: кто и за что его погубил.

Никифоров молча слушал.

– Мы с Алексеем Николаевичем были сегодня у Войтова с Кнаутом. Отовсюду нас выставили. Под тем предлогом, что погибший был жулик, пропащий человек, и нечего, мол, стараться поймать злодеев. Получил, что заслужил.

– Позвольте сказать, Ян Францевич, что брат ваш хорошо был мне известен. Я лично его арестовывал. Захотите ли вы после этого иметь со мной дело?

– Арестовывали – так что ж? – лесопромышленник даже привстал от волнения. – Язеп был преступник, это правда. Вы исполняли свой долг. Нет, я не считаю это препятствием.

– Так что же именно вы желаете от меня?

Тут встрял Растегаев:

²⁵ *Томпаковый* – сделанный из томпака, разновидности латуни.

– Господин пристав строго-настрого запретил нам помогать приезжим господам. А те готовы предложить награду за содействие в частном дознании.

Никифоров нахмурился:

– Частные дознания у нас запрещены.

– Ну и что? – ухмыльнулся надзиратель. – А то ты не знаешь! Сплошь и рядом мы получаем деньги от обывателей. Ежели, к примеру, хорошо исполнили свою обязанность.

– Да, но с разрешения полицмейстера.

Растегаев вздохнул и терпеливо продолжил:

– Мне такого разрешения никто не даст. А тебе оно и не нужно. Я при господах открыто говорю, что имею в этом деле свой интерес. И готов помогать тебе секретно, чем смогу, за разумную долю. Ты, так сказать, снаружи, а я изнутри полиции.

Никифоров задумался, потом спросил Титуса:

– Велика ли награда?

– За прямое отыскание убийцы – тысяча рублей.

Отставной сыщик чуть не упал со стула.

– Тысяча?!

– Да. Беретесь?

– Но, господа, ежели вы оба были сыщики... А господин Лыков и сейчас служит в полиции... то должны понимать. Прямое отыскание убийцы может у меня не получиться. Вернее ожидать, что я смогу найти важные подсказки, которые приведут потом к раскрытию преступления. И как же тогда вы определите размер награды?

Лыков все это время внимательно наблюдал за хозяином и теперь окончательно сделал выбор. Никифоров ему нравился. Сразу оговаривает свою возможную неудачу, хотя мог бы сказать орлом, а там как пойдет... И надворный советник вмешался в разговор:

– Мы с Яном Францевичем хорошо это понимаем. Нам сейчас нужна ваша помощь. Официальное дознание полиция вести не хочет. Дело вот-вот закроют. Помогите нам, и мы не оставим вас без благодарности. Договоримся. Любые следы лучше, чем ничего. Получите часть награды, какую именно – покажет время. Даем вам обязательство в присутствии Сергея Петровича. А мы словами не бросаемся.

И Никифоров, и Растегаев облегченно вздохнули. Это был важный момент, без разъяснения которого нельзя договариваться. Лыков окончательно сломал лед, выложив на стол купюры.

– Вот, здесь сто рублей на расходы. Вам придется платить осведомителям, тратиться на извозчиков...

Александр Лукич положил ладонь на деньги, но не взял их.

– В каком виде вам за них отчитываться?

– Ни в каком, – ответил надворный советник. – Мы тут все сыщики и знаем кухню. Сунули вы дворнику или половому в трактире. Он что, вам справку в том выдаст? Мы с Яном Францевичем доверяем вашей порядочности.

Хозяин убрал купюры в потертый кошелек. И едва заметно улыбнулся, словно выиграл в лотерею и пытается скрыть радость от посторонних... Лыков был уверен, что часть полученного уйдет не по назначению. Безработный, безденежный, Никифоров заплатит первоочередные долги. Что-то купит в дом. Но, как свойственно порядочному человеку, сразу рьяно возьмется отрабатывать обязательства. То, что сумма отчасти потрачена на личные нужды, будет его лишь подстегивать. А сейчас это и требуется.

Александр Лукич взял бумагу, карандаш и деловым тоном спросил:

– Какое было последнее местопребывание Язепы Титуса?

– В Шарлоттентале. Лугово-Граничная улица, дом семь, – сообщил лесопромышленник.

- Это возле ипподрома? Которую в Стрелковую переименовали?
- Да. Должен предупредить: когда я стал ходить там и расспрашивать, очень скоро ко мне подошли трое с ножами и велели убираться, пока цел.
- Серьезные?
- Нет, мелкая шпанка. Но кто-то же их подослал!
- Понятно, – нахмурился бывший сыщик.
- Ну, этих мы отпугнем, – вставил Лыков.
- Как отпугнете? – хором спросили рижане.
- Да вот завтра и увидите. Так что на шпанку времени не тратьте. Ищите глубже.
- А место службы, приятели, переписка?
- Вот этим и надо вам заняться, Александр Лукич. А господин Растегаев поможет.
- Надзиратель кивнул.
- По собранным сыскным отделением сведениям, – начал он, – Язеп нигде не служил. Но деньги у него откуда-то водились. Правда, нерегулярно. Бывали трудные моменты, и тогда он закладывал часы и папиросник. Но всегда выкупал потом.
- Так кем же был Язеп Титус? – спросил надворный советник и покосился на друга. Тот нахмурился, но промолчал.
- Мы считаем, что наводчиком.
- Вот как? И с какой шайкой он работал? Ведь наводчики, как правило, к кому-то приписаны.
- Да, – подтвердил надзиратель. – Язеп почти наверняка работал с Ярышкиным.
- Кто таков?
- Ярышкин Иван Иванов, из рижских мещан, приписан к рабочему окладу, – начал по памяти рассказывать Никифоров. – Четыре ареста за грабежи. Но это по молодости. Потом он перешел на разгром квартир, там добыча больше. У Ваньки банда человек в десять. Квартирует в трактирном заведении Петерсона на Ярославской улице, дом сорок три. Пользует рынок Красная горка в четвертом участке Московской части.
- Пользует – это что значит? – уточнил Яан.
- Ну, продает там краденое, собирает плату за право торговать селедкой...
- Плату собирает? И что, дают?
- Дают, иначе могут порезать. Или товар на землю вывалят.
- А полиция куда смотрит?
- Как обычно: поверх голов. Околоточному проще не замечать. Конечно, когда дело доходит до полицмейстера и тот спускает участковому приставу, тогда начинают суетиться. Изображают усердные поиски. В серьезных случаях могут и арестовать кого-нибудь из шайки. Но Ярышкин уже при хороших деньгах, он откупается.
- Господа, – обратился Лыков к рижанам, – вопрос к вам обоим. Ярышкин мог убить старшего Титуса? Ведь не всякий налетчик пойдет на мокрое дело.
- Те переглянулись, и Растегаев осторожно ответил:
- На Московском форштадте все бывает. Самое поганое в городе место.
- Там примерно шесть или семь шаек, – добавил Никифоров. – Это не считая шпанки из рабочих. Шпанка по мелочам хищничает: часы где сорвет, рублевицу у прохожего отымет. А настоящие бандиты громят зажиточные квартиры и воруют по складам. Вот на Масленицу на Спасо-Церковной улице из амбара Товарищества сахарных заводов украли пятьдесят пудов сахара. Это же на ломовике нужно было вывозить!
- Сахар пусть, а убийства?
- Алексей Николаевич, есть и они, – тщательно подбирая слова, ответил хозяин. – Только скрывают. На той неделе стали на Семеновской погреб копать и отыскали скелет. Не из древних.

– И что?

– Грохнули кого-то и зарыли. А в статистике отмечено как смерть от неизвестной причины в стародавние времена.

– А на самом деле чей был скелет?

– Шайки эти, о которых я сказал, вечно друг с дружкой воюют. Делят Московский форштадт. Ну, как на любой войне, есть потери. Думаю, это их покойник. Павший, так сказать, солдат.

– Или давеча углубляли Двину напротив Замка, – подхватил Растегаев. – Глядь, а в черпаке-то кости! Половина туловища. И тоже списали на несчастный случай, будто это утопленник.

– Что же, он сам себя пополам распилил, перед тем как в реку броситься? – возмутился Яан.

– Нет, его-де землечерпалка ковшом перерубила.

– Ну у вас и порядки! – осудил Алексей. Но подумал и добавил: – Впрочем, так везде. Мужчины помолчали, прихлебывая чай. Потом надворный советник обратился к хозяину:

– Вы сказали, на Московском форштадте несколько банд и они между собой воюют. А есть главная? Имеется там «король»? Вот как Цвейберг у немцев.

Никифоров покачал головой:

– Нету. Каждый сам за себя и против всех.

– Есть одна шайка, она посильнее других будет, – возразил Растегаев.

– Ты Рейтарова имеешь в виду? – вскинулся Александр Лукич.

– Да. Человек в большую силу вошел. И людей у него вдвое гуще, чем у любого из противников.

– Расскажите нам про него, – попросил Лыков.

– Приехал он из Митавы шесть лет назад, – опять взял слово хозяин. – Видать, там его прижали, вот и сменил приписку. Огонь! Смел и напорист. Подминает под себя форштадт, чем дальше, тем больше. Кличка у него, понятное дело, Вовка Рейтар. Штаб Вовки на улице Тургеневской, в пивной Мунге.

– Я рассуждаю вслух, – начал Алексей. – Конечно, не зная обстоятельств так, как их знаете вы... Мои рассуждения, возможно, покажутся смешными. Не мог ли Язеп попасть между жерновами? Сделаться жертвой войны банд?

– Мог, – сразу же ответил Никифоров. – Версия не хуже других. Например, он был наводчик у Ярышкина, но потом решил переметнуться к Рейтарову. Отдал богатую квартиру, чтобы выслужиться. А Иван Иваныч отомстил.

– Откуда известно, что Титус был наводчиком?

– Внутреннее осведомление сообщило.

– И как он это делал?

Никифоров в очередной раз покосился на лесопромышленника и ответил:

– Извините, Яан Францевич. Вам неприятно будет это слышать.

– Валяйте.

– Брат ваш был из хорошей семьи, но сбился с колеи. Учился в Политехникуме, не закончил, но знакомые из высшего круга у него остались. И вот он повадился ходить к ним в гости. А после его визитов квартиры те ловко громили. В конце концов люди заметили такие совпадения, и перестали пускать столь опасного человека.

– У вас есть свои осведомители в преступной среде? – спросил Лыков.

– Мы все, надзиратели сыскного отделения, распределены по участкам. Александр Лукич как раз и занимался Московским форштадтом, – пояснил Растегаев. – Конечно, агентура имеется, и он ее всю помнит. А я со своей стороны помогу.

– Тогда, господа, прошу вас заняться этой версией.

– Слушаемся, – хором ответили рижане.

– Еще вот что, – сказал Титус. – Брат мой по своему характеру не мог обходиться без женщины...

– Это так, – хмыкнул Никифоров. – Бабам он всегда нравился. Когда я его посадил в кутузку, ходила ко мне одна. Деньги предлагала и даже себя!

– Женщины действительно вились вокруг брата, – подтвердил Ян. – Смолоду так было. Но в квартире на Лугово-Граничной он жил холостяком. Полагаю, у Язепы имелось еще убежище, которое сыскная полиция не нашла, потому что не очень и искала. Там живет его последняя подруга. И она может сообщить что-нибудь важное.

– Понял, Ян Францевич, – записал себе Никифоров. – Ни как зовут, ни адрес, конечно, вы не знаете?

– Нет. Но кто-то да знает.

– Займусь.

Хозяин мялся, словно хотел что-то спросить, но не решался. Титус заметил это и сказал:

– Говорите. Между нами не должно быть недомолвок.

– Непонятно мне... Фамилия ваша латышская, имя у брата тоже латышское. А у вас имя эстонское. Как так вышло?

Пришел черед удивляться Лыкову – он всегда считал своего друга латышом.

– Да, буква одна лишняя, – согласился Титус. – Должны были назвать Яном, без «а» в середине. Но матушка моя покойница была эстонка из Ревеля и назвала меня так в память о своем отце.

На этом беседа закончилась. Растегаев задержался у приятеля – им надо было оговорить детали предстоящего дознания. Рижане остались довольны: заказ богатый, материал знакомый. А приезжие отправились в гостиницу. Извозчик ждал под окнами и домчал их быстро. Понтонный мост уже развели, ехали по Железному²⁶. Еще днем Ян успел рассказать приятелю про него. Мост погубил своего создателя! Он был выстроен в 1871 году по планам профессора Бесара. И во время строительства тот упал с пролета и погиб. Сейчас в темноте мост казался особенно зловещим. Внизу по Двине нескончаемой лентой тянулись плоты. Весна – самый разгар лесного промысла. Лыков только вздыхал. Эх, пропал год! Без хозяйского глаза там, на Ветлуге, успехов не жди. Рукавицын, конечно, дело знает. Но на нем стройка, имение, лесоохрана... Ну что, пропал, так пропал. Яков важнее барышей. Они пробудут здесь столько, сколько нужно.

Титус тоже молча взирал на чужие плоты. По приезде в гостиницу он сразу пошел спать, а может, просто хотел побыть один. Алексей засел в ресторане и начал истреблять пиво. Он решил перепробовать все местные сорта. Но битва вышла неравной. Немцы – искусные пивовары, и выбор в Риге оказался гигантским. После шестой кружки глаза у сыщика стали слипаться. Вальдшлоссенское надо запомнить, подумал он, поднимаясь в номер. С этой нехитрой мыслью и уснул.

---

²⁶ *Железный мост* – название железнодорожного моста в Риге.

Глава 3. Незаконное дознание

Утром приятели обсудили вчерашнюю беседу. Титусу новый их порученец тоже понравился. Оставалось надеяться, что он сдвинет дело с места. Без полномочий, имея в противниках здешнюю полицию, сами по себе приятели бессильны. А к тому времени, когда вернется Суровцев, закончится отпуск и у Лыкова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.